

С.А.ЕСАЯН, А.Н.БИЯГОВ, С.Г.АМАЯКЯН, А.Г.КАНЕЦЯН

БИАЙНСКАЯ ГРОБНИЦА
В ЕРЕВАНЕ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Հ Ա Յ Ա Ս Տ Ա Ն Ի
Հ Ն Ա Գ Ի Տ Ո Ւ Կ Ա Ն
Հ ՈՒՏՈՐՉԱՆՆԵՐԸ

15

ՈՐՈՐՏԱԿԱՆ
ՀՈՒՏՈՐՉԱՆՆԵՐ

Պ Ր Ա Վ

II

ԱԼԵԽԱՅԱՆ, Լ.Ն. ԲԻՅՈՎԻՆ, Ա.Գ. ՀՈՆԻՍԱՅԱՆ, Ա.Գ. ԿԱՆԵՅԱՆ,

ԵՐԵՎԱՆԻ
ԲՈՒՅՆԱԿԱՆ ԴՈՒՐԳՐԱԸ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1991

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЕНИИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
АРМЕНИИ

15

УРАТСКИЕ
ПАМЯТНИКИ

ВЫПУСК

II

С.А. ЕСЯН, А.Н. БИЯГОВ, С.Г. АМАЯКЯН, А.Г. КАНЕЦЯН

БИАЙНСКАЯ ГРОБНИЦА
В ЕРЕВАНЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЕНИИ
ЕРЕВАН 1991

Печатается по решению ученого совета
Института археологии и этнографии АН Армении

Ответственный редактор академик

Б. Б. ВНОТРОВСКИЙ

Книгу рекомендовали к печати редакторы кандидатом
исторических наук Г. О. КАРАХАНИЯ,
Ф. И. ТЕР-МАРТИРОСОВ

А 874 Археологические памятники Армении/АН Армения. Ин-т археологии и этнографии. Изд-во АН Армения. 15, урартские памятники, вып. 2/ С. А. Есаян, Л. Н. Багдас, С. Г. Амазьян, А. Г. Кавецки.—1992.—47 с.

Обнаруженная по результатам строительных работ и исследованная археологами гробница представляет собой выдающийся памятник урартской архитектуры. Она построена из прекрасно отесанных туфовых блоков, перекрытия плоское, из туфовых балок, пол вымощен туфовыми плитами. В гробнице был найден богатый археологический материал, представляющий разношерстную керамику, предметы украшения. Анализ архитектурных особенностей археологического материала позволяет датировать гробницу второй половиной VIII в. до н. э.

Книга рассчитана на археологов, историков, востоковедов.

0505060000
А ————— 70—80
200(02)—92

ББК 63.4(2Ар)

ISBN 5-8080-0040-8

© Издательство АН Армения. 1992

ГЛАВА I

АРХИТЕКТУРА И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ГРОБНИЦЫ

Весной 1984 г. на территории завода «Автоаргат» в Ереване при прокладке новой траншеи для трубопровода, экскаватором были вскрыты три угловых камеры перекрытия сооружения, через образовавшееся отверстие виднелось большое помещение, выложенное камнем. Археологи, авторы настоящей работы, сразу же определили, что обнаружена древняя гробница и приступили к изучению этого уникального сооружения.

Рядом в той же траншее было открыто ранне-бронзовое погребение в виде каменного ящика с групповым захоронением, содержащим шесть скелетов. Погребальный инвентарь состоял из двух бронзовых книжалов, чернолощеных сосудов с вдавленно-кружковым орнаментом. Неподалеку от него было обнаружено и другое погребение относящееся к эпохе средней бронзы, где были найдены черная керамика с белой инкрустацией, расписные монохромные сосуды, каменная бузава и обидановые наконечники стрел, два бронзовых книжала и небольшой бронзовый котел. В конце траншеи имелись следы и других разрушенных погребений, из которых было собрано несколько десятков фрагментов сосудов датируемых началом I тыс. до н. э. Эти находки свидетельствуют как о долговременном функционировании могильника, так и о том, что открытая гробница была построена на территории некрополя местных племен.

Внутри гробницы земля не было, однако она была заполнена водой глубиной 0,70 м. Это были грунтовые воды, покрытые пленкой из смеси масел и стальной эмульсии, просочившейся через восточную стенку одного из близлежащих цехов завода. Появление воды в гробнице, по-видимому, объясняется повышением уровня грунтовых вод в связи с возведением фундаментов многочисленных заводских построек, сооруженных в 50-х годах.

Гробница ориентирована по оси север-юг, с азимутом в 10°, однако, при указании сторон для упрощения, мы принимаем ее ось за север-юг. В плане она представляет собой прямоугольник длиной 3,46, шириной 2,00—1,97, высотой от плит пола до перекрытия 2,15 м.

Гробница сложена из туфовых камней различных оттенков—красного, черного и темно-коричневого. Пол ее тщательно nivelированный, выложен из отесанных туфовых плит на земляной основе. Стены состоят из пяти рядов кладки, выложены туфовыми блоками, плотно подогнанными друг к другу, калодкой в два ряда, наружная сторона которых представляет собой грубо обработанные блоки на глиняном растворе. Дверной проем гробницы, к которому подходит дромос, находится на северной стороне камеры (высота проема 1,29 м, ширина 0,75, глубина 0,45 м). Со стороны дромоса к внешней стороне дверного проема вторую уложена большая плита, полностью прикрывающая дверной проем. Стены дромоса выложены из медких голышей. Полностью раскрыть и установить размеры и конструкцию дромоса невозможно, так как он находится под сооружением ныне действующего цеха завода.

В стене, на высоте второго ряда кладки устроены маленькие ниши (0,50×0,50×0,50 м): одна из них—в южной и три в западной стороне. Кроме них, в восточной стене имеется более глубокая (1,01 м), большая ниша. Большая ниша, как и маленькие, расположена на уровне второго нижнего ряда кладки и имеет длину 2,06 м, глубину 1,01 м, а высоту 1,22 м, с чистотесанными внутренними стенами.

Перекрытие же гробницы было возведено следующим образом. Последний пятый верхний ряд камней кладки камеры гробницы слегка выдвинут вперед (на 0,13—0,18 м), образуя своеобразный карниз, проходящий по всему внутреннему периметру камеры. Само перекрытие состоит из пяти туфовых блоков, которые опирались на карниз верхнего ряда кладки. Над восточной нишей они упираются на перекинутую плиту, совпадающую по размерам с карнизом. Плиты перекрытия имеют удлиненную форму шириной от 0,37 до 0,64 м, тол-

винной 0,45 м. В южной части погребения перекрытие несколько иное, оно состоит из четырех удлиненных плит, с косым торцовым разрезом, вплотную уложенных перпендикулярно основным плитам перекрытия. Интересно решено и перекрытие большой ниши. Здесь выступающий пятый камень, карниз длиной 2,37 м и шириной 0,52 м, одновременно служит перемычкой ниши и частью ее перекрытия, а также опорой вышеуказанной поперечной балки, поддерживающей плиты перекрытия основной камеры. За перемычкой, вплотную к ней, расположены еще две туфовые балки шириной 0,32—0,25 м, образующие перекрытие большой ниши и опирающиеся на ее южные и северные стены.

В погребении был обнаружен богатый археологический материал.

В трех нишах западной стены стояло по одной урне, заполненной костями раздробленного человеческого скелета, в перемычку с костями птиц и животных. В большой восточной нише стоял крупный сосуд украшенный тремя бычьими головами и небольшая миска, на дне которой сохранилась клеица с изображением зайца. Остальной керамический инвентарь состоял из урн, в которых сохранились кремниевый прах крупного беззубного кувшина со сланом в виде львиной головы, крупной миски и чаш, светляника и беззубного кувшина. Все это было расположено в северо-восточном углу камеры гробницы.

В погребении были обнаружены три тайника. Первый из них был расположен под плитками остатак западной стены. Здесь был обнаружен остаток бронзового кодача, чаша, связка агатовых бус и гиревидная печать из гипса с изображением грифона и полумесяца¹⁸. Второй тайник был расположен под плиткой пола вдоль восточной стены, где были найдены витые браслеты, с головами змей на концах. Третий тайник был обнаружен под полом большой восточной ниши и был покрыт сверху платно утрамбованными металлами сколами туфа, образующими пол ниши. В нем найдены фрагменты двух бронзовых поясов и крупный фрагмент третьего: части узда, балки, эмалевые браслеты, железные мед. нож, кинжалы, бронзовые гвозди, котел и т. д.

Таким образом, погребальные атрибуты, обнаруженные в основной камере, нишах, в тайниках под полом камеры и в забутовке пола большой ниши, состоят из различных керамических изделий, предметов вооружения, украшений, которые попадают немногочисленную группу урартских изделий VIII в. до н. э., что еще более увеличивает их научную значимость, так как основной материал

урартских изделий, известный до сих пор, датируется VII в. до н. э.

Керамика представлена небольшой группой парадных сосудов с темно-вишневой блестящей ангобированной поверхностью, которые по своим формам делятся на ряд типов.

К первому типу относятся пять крупных широкогорлых беззубных кувшинов с шаровидным или несколько вытянутым туловом, снабженным сравнительно высоким (около 1/4 общей высоты) шейками с четким отогнутым наружу округлым венчиком. Длинна их широкие, колпаковидные. У всех кувшинов описанной формы основание шейки отделено от верхней части тулова крупной рельефной линией, имитирующей аналогичный орнамент на металлических сосудах бомбовидной формы и одноручных кувшинов с венчиком в виде ошейника из Кармир-блур¹⁹, Тонрах-казе, Разае, Нуши-дабана²⁰, Алишара, Альтин-тепе²¹, Парска-айка²².

Положная имитация металлических сосудов в керамике Ванского царства, явление не единичное и вышеописанные формы встречается среди керамического инвентаря из Кармир-блур¹⁹, Эрзруни²³, Аргинтихлини²⁴, Ошакана²⁵, Бастама, Альтин-тепе, Зинзе, Арикэ, Айкаберда, Патноца, Каяндзере Норшун-тепе и многих других памятников Западной Армении и Ирана²⁶.

На плечиках трех сосудов из гробницы имеются три сквозных отверстия образующих треугольник, а у двух других—по два. На динках двух сосудов сохранились отпечатки—на одном шагматовидный оттиск овальной формы, внутри которого профилно изображен бегущий заяц, с вытянутым туловом, коротким торчащим хвостом, подогнутыми задними и вытянутыми передними ножками. Схематически изображенная небольшая головка снабжена двумя длинными торчащими, выступающими несколько над большими ушами и глазом, отмеченным точкой. На динке другого сосуда просматривается отпечаток в виде серповидного предмета.

Три сосуда с остатками костей были погребальными урнами, остальные два сосуда, установленные на полу камеры, были пустые.

Подобные урны из памятников на территории Республики Армения известны из Эрзруни²³, Армавира (Аргинтихлини), старых раскопок Уауропа, которые были значительно полнее раскопки А. А. Мартirosiана. Четыре из них найдены в каменном саркофаге²⁷, а две другие имеются несколько иную карсавидную форму. Еще две урны были найдены случайно. Одна из них была найдена вместе с небольшим количеством урартских металлических изделий в Таза-гюхе близ Эр-

вана²⁸, а другая в селе Ошакан. Большое количество подобных или несколько иной формы погребальных урн найдено на территории Западной Армении и северо-западной Ирана (Парскайк).— в Игдире²⁹, Арикэ³⁰, Личе³¹, Дедели³², Альтин-тепе³³, где три найденные металлических шаровидные и три карсавидные урны, которые по форме несколько перекликаются с аналогичными урнами из Аргинтихлини.

Сравнительно малочисленность подобных урн среди огромного количества ванской керамики, обнаруженной при раскопках многочисленных былинских памятников, объясняется малой изученностью урартских погребений.

Изучение сквозных отверстий на вышеуказанных урнах показало, что они просверлены после обжига и, следовательно, эти сосуды не готовились специально для погребальных целей. В качестве урн использовалась обычная бытовая керамика, чем и объясняется наблюдаемое разнообразие урартских урн в виде беззубных кувшинов (Ереванская гробница и Альтин-тепе), небольших карсав (Аргинтихлини и Альтин-тепе), одноручных кувшинов (Игдир), горшков (Нор-Ареш), двуручного кувшина (Ошакан) и различных карсавидных сосудов в целом ряде вышеуказанных памятников Западной Армении.

Эта проблема была также рассмотрена Б. А. Куфтиним, который считал, что отверстия на плечиках погребальных урн, просверливались на совершенно готовых и обожженных сосудах, вероятно, перед тем, как положить в них пепел. Поэтому, вполне оправдано наше предположение, что урны служили бытовой, а для знати, в основном, парадная посуда. По мнению Б. А. Куфтина, наличие этих отверстий объясняется верованием в бесмертие души, которая не покидает окончательно прах покойного даже после его сожжения³⁴.

Это мнение подтверждает Г. А. Капанцян, заметившим, что в урартском пантеоне имеется упоминание о божестве, который «души переводит»³⁵.

Упогребление сосудов в погребальном обряде наблюдается в Армении и позже—в эллинистическую эпоху. Так, в Ошаканском могильнике часть погребений античного времени производилась в небольших карсав, крупных горшках, кувшинов и даже в масолойке.

Вторую группу образуют два сосуда с зооморфными украшениями. Один из них представляет собой крупный широкогорлый беззубный кувшин с округло-вздутым туловом, с аналогичной, вышеописанной урнам, шейкой, с четко отмеченным венчиком. Дно в нижней части суживается и снабжено

кольцевидным выступом. Вся поверхность сосуда покрыта тремя орнаментальными поясами. Верхние образуют зигзагообразными короткими, глубокими канелюрами, нижние стороны которых соединены полукруглыми, припадающими им депестовидную форму. Нижний пояс покрыт такими же, но более удлиненными канелюрами и, в отличие от первых, полукруглая здесь соединяют верхние части. Пространство между ними, образующее третий орнаментальный пояс, в свою очередь состоит из горизонтально-параллельных дурадных линий, внутреннее пространство которых заполнено группами из двух, четырех и пяти вертикальных коротких линий, выполненных вдавлинением. Суживающаяся придонная часть украшена тремя вдавлинными горизонтальными линиями, припадающими ей форму своеобразной рельефной фигурки льва с поврежденной в древности головой, которая иконографически перекликается со статуэткой льва, украшающей крышку каменной шкатулки из Кармир-блур³⁶, что еще раз подтверждает ее былинское происхождение. От раскрытой пасти хищника, внутри сосуда, отходит трубка, соединенная с выступом округлой формы на дне, имеющем четыре отверстия. Благодаря этому приспособлению головка льва служила своеобразным сливом. Сосуды с трубчатым сливом, отходящим от дна, известны нам из двух пунктов. Один из них, имеющий аналогичное строение с описанным, происходит из раскопок былинского погребения в Севанском бассейне³⁷. Другой, случайно найденный в Нагорном Карабахе, хранящийся в краеведческом музее г. Степанакерта, имеет несколько иную форму. Его трубка расположена не под сливом венчика, а проходит через ручку сосуда. Что же касается сосуда из гробницы, то необходимо отметить, что около головы хищника, по обе стороны, впоследствии проданы два сквозных отверстия, указывающие на то, что и этот сосуд служил погребальной урной. Без сомнения, подобные сосуды не имели утилитарного значения и применялись лишь при исполнении некоторых ритуалов и церемоний. Что же касается орнамента в виде канелюры, то он встречается на одноручном кувшине темно-вишневой цвета из Аргинтихлини, который датируется VIII в. до н. э., что является дополнительным обоснованием для датирования гробницы³⁸.

Второй сосуд, найденный в гробнице, крупный беззубный кувшин с округло-вздутым туловом, чуть заметной шейкой, широким загнутым внутри горизонтально поставленным венчиком, украшенным широкой глубоко вдавленной полоской. Плечики

сосуда украшены двумя парами вдавленных линий, между которыми проходит цепочка, образованная двумя рядами обращенных друг к другу скобок. К внешней стороне венчика прикреплены симметрично расположенные три скульптурки бычьих голов. Головы животных представлены тщательно. Ноздри дополнительно украшены полукруглыми линиями, крупные глаза овальной формы имеют точно отмеченные зрачки и полукруглые надбровные дуги. Особенно тщательно выражены кривые заостренные рога.

Подобные глиняные сосуды хорошо известны по находкам из урартских и местных памятников Арагатской долины. К их числу следует отнести замечательный чернотелый кувшин из помещения 16, Кармир-Бура. Под венчиком сосуда проходит рельефный поясок с двухцветной росписью, выполненный черным и коричневом цветом по желтому фону. Роспись состоит из кружков коричневого цвета с черным пятном посередине, пространство поверх кружков окрашено черной полосой, а снизу их обрамляет коричневая линия. Этот поясок расчленен тремя скульптурными головками быков высотой в 6 см². Глиняные кувшины, украшенные аналогичными бычьими головками, найдены также в городских кварталах Тейшебани¹⁸, Двина¹⁹, Патноца²⁰.

Без сомнения, глиняные сосуды, украшенные бычьими головками, имитируют бронзовые, хорошо известные по находкам из различных памятников Ванского царства. Кроме цельных сосудов большую группу образуют отдельно найденные бронзовые головки быков, некогда украшавшие урартские кувшины, вазы и особенно котлы, происходившие в большом количестве из Вана (Тушина), Гуши (побережье оз. Урмизе). Целые же котлы, с закрепленными к бортам бычьими головками, были обнаружены в Агтин-тепе, Куме, Аланшаре, Гордоне²¹, а также в случайных находках на территории Тушин, впоследствии попавших в музеи Европы и даже Японии²².

Среди прочих керамических сосудов имеется один широкогорлый кувшин с округло-вздутым туловом, широкой, по-видимому, высокой шейкой слоановой в основании. Были найдены также две крупные миски и пять чаш. Одна из мисок имеет округлое тулово, прямые борта с вертикальным округлым венчиком, днище колоцевидное. Под венчиком проходит глубокая бороздка. Вторая миска, более плоская, с висячим венчиком и плоским дном. Найденные здесь пять небольших мисок делятся на две группы. Три из них имеют округло-расширяющееся тулово, одна со слегка профили-

рованными бортами и вдавленным днищем, две другие имеют аналогичную форму, но отличаются колоцевидными днищами и профилированными бортами. Под венчиком одной из них проходит вдавленная, а у другой — рельефные линии. На днище одной из этих мисок, как и на днище одного из описываемых осуряев, имеется клеймо в виде бегущего зайца (табл. IX, 7). Подобные клейма известны также на одном из сосудов, найденных в Эрбуну²³.

Последним глиняным сосудом, найденным в гробнице, является крупный светлячник с округлыми бортами и срезаемым венчиком, с прямой высокой внутренней перегородкой, снабженной двумя сквозными отверстиями. Аналогичные крупные светлячки с прямой перегородкой и двумя сквозными отверстиями найдены и в Эрбуну²⁴, которые были обнаружены под каменной засыпкой пола вместе с девятью черными карсами и широкогорлым кувшином. Стратиграфические особенности и сама керамика Эрбуну (окраска, форма кувшина и т. д.) позволяют датировать эти изделия VIII в. до н. э., что имеет важное значение для дополнительного уточнения времени сооружения гробницы.

Кроме керамических сосудов найдено большое количество различных металлических изделий, среди которых значительное место занимают предметы вооружения и конской упряжи.

Предметы вооружения представлены железными кинжалами, наконечниками стрел и бронзовыми деталями панцирей и козлачков. К сожалению, основная масса этих изделий, как уже говорилось выше, была предварительно сломана, поэтому некоторые предметы не реконструировались. Среди находок выделяется крупный железный меч длиной около 0,90 м, который приближается по размерам к известному скифскому мечу из Кармир-Бура²⁵. Он имеет длинный, двусторонний суживающийся к острию клинок (около 0,80 см). Рукоять не сохранилась и поэтому, условно, мы придали ей форму рукояти одного из найденных здесь же кинжалов, который имеет плоский язычок с сохранившимися следами гвоздей на нем и на плечиках для закрепления деревянных и костяных накладок. Клинок меча украшен тремя параллельными неюрами, проходящими по всей длине. Найденные здесь три кинжала делятся на два типа. Первый из них повторит форму меча. Он также имеет заостряющийся к острию клинок. Ручка (общая длина 0,42 см) с обеих сторон имеет невысокие борта, которые переходят на плечики клинка для плотного прилегания накладок. Подобная рукоять

эфефа кинжала (по-видимому, и меча) придает ему форму рукояти, так называемых персидских кинжалов, которые появились на Армянском плато еще в эпоху средней бронзы, бытующую до VIII в. до н. э. Эфеф этого кинжала одновременно напоминает фигурные рукояти кинжалов и мечей из Кармир-Бура, снабженных бронзовыми обкладками²⁶.

Два других кинжала имеют аналогичные формы, но отличаются сечением клинка. Первый из них имеет длинный равномерно суживающийся к острию клинок, украшенный неюрами и снабжен короткими плоским язычком для закрепления рукояти. Второй кинжал имеет аналогичное строение с овальным сечением, но лишен неюров. Кроме кинжалов, найден небольшой нож со слоановым строением. Он имеет одностороннее лезвие с тупой спинкой и короткий плоский язычок для закрепления рукояти. Близкие аналоги этого ножа известны из игдамского колаубури.

Небольшую группу образуют три наконечника копий. Все они имеют дисковидные овальные в сечении клинки и длинные полые втулки с четко заметным швом. Подобные копия хорошо известны из Кармир-Бура²⁷, Арштитхини²⁸, Агтин-тепе²⁹, которые снабжены, однако, срединными ребрами.

Найденные здесь два железных наконечника стрел имеют выглаженную форму с овальным сечением и снабжены прямыми черенками для насаждения древа. Подобные наконечники, найденные в различных различных помещениях Кармир-Бура, хорошо известны³⁰. Особенно примечательно, что среди 18 бронзовых козлачков, найденных в Кармир-Бура, по многие из которых, вложенные по 35-38 стрел аналогичной формы³¹, пять имеют клинообразные насадки урартских царей VIII в. до н. э., Аринти I и Сардури II. Эти находки явно указывают на то, что хотя эти стрелы найдены в памятнике VII в. до н. э., они имеют более раннюю дату изготовления и бытуют на протяжении долгого времени. Подобные наконечники стрел, кроме Кармир-Бура, найдены также в Эрбуну³², Топрак-кале³³, Каландере³⁴, Айхаберде³⁵, Агтин-тепе³⁶, Игдаре³⁷ и т. д.

К числу предметов воинского снаряжения относятся и два козлачка, имеющих форму суживающихся кинул полого трубок, высотой 0,55 м. Диаметр верхнего отверстия 0,15 м, нижнего — 0,09 м. Корпус обоих козлачков украшен многорядными рельефными линиями, а к бортам гвоздями прибиты по два бронзовых козлачка для продления ремня.

Открытые нижние концы обоих козлачков явно

свидетельствуют о том, что на них натягивались кожаные вставки, предохранявшие ноги воинов от жесткого трения при ходьбе. Близкие козлачки, как правило, имели форму незамкнутой трубки, изготовленной из бронзовых листов. Остатки козлачков из Ерванской гробницы несколько отличаются от остальных известных нам. Так все 18 кирмирбурауских козлачков имеют прямой не суживающийся корпус. Причем у них, в отличие от наших, открыт не только нижний, но и один боковой край. Ту же форму имеют козлачки из Топрак-кале, Агтин-тепе³⁸, Каландере³⁹ и один также же козлачок, датированный VIII—VII вв. до н. э., найден в центральных районах Тушин (хранится в Швейцарии)⁴⁰. Кроме того, рассматриваемые козлачки отличаются и по диаметру и высоте трубок. Так диаметр кирмирбурауских козлачков 0,10 м, а козлачка найденного в центральных районах Тушин — 11,5 см. Высота верхний диаметр козлачков из Ерванской гробницы 0,15 м, они вмещали меньшие стрел, так как их нижний диаметр 0,09 м.

Как видно, наши козлачки относятся к простым, не орнаментированным формам, хотя в Ванском царстве встречается и богато украшенные. К их числу относятся козлачки из Кармир-Бура с повисающей валистой Сардури-сына Аринти. На них, в восьми полосках, помещены чередующиеся изображения боевых колесниц и всадников. На колесницах по две фигуры, одна безбородая-возница, другая, бородатая—воина. Этот мотив изображения всадников и колесниц широко известен в урартском искусстве и часто встречается на шлемах и бронзовых поясах. Незначительный ранее мотив изображений встречается на вышуклашанском козлачке, хранящемся в Швейцарии, на котором в трех полосках изображено шестие людей в длинных плащах с короткими мечами на боку.

В их выгнутых руках кувшины, вазы и ритоны. Интересно, что в верхнем ряду процессия двигалась навстречу друг другу, а в среднем и нижнем рядах—друг за другом.

В Ерванской гробнице найдены также полуокругло изогнутые две пластины с крупным сквозным отверстием, которые, по всей вероятности, являлись обкладками дуг. По своей форме они сближаются с аналогичными обкладками, найденными Б. А. Кутфиним в Трилетети⁴¹.

Кроме предметов вооружения в гробнице были обнаружены части конского убора. К их числу относятся железные удила от которых сохранились фрагменты двухчастных железных тремзель с колоцевидными выступами по краям. К сожалению,

пласти не сохранились. Подобные трезея известны из Кармир-блур²⁰ и Игдара²¹.

К деталям конского убора относятся бронзовые накладки коня в виде суживающейся пластины, украшенной двумя горизонтальными и одной вертикальной рельефными линиями и сквозными отверстиями для прикрепления к сбруе. Две конских накладки известны из Кармир-блур: в одном из них сохранилась надпись Минуа²². В последние годы несколько конских накладок пластины, с надписью Минуа, было найдено в центральных районах Урарту (Западная Армения)²³.

Особенно примечательна одна из них, которая равномерно суживается кину. Бордюры его украшены борющимися фигурами быков и львов и крылатыми гениями. В центральной части изображен бог Тейшеба, стоящий на быке, который помещен на мизоровом древце²⁴.

К частям конского убора относятся два колокольчика высотой 9 см, несколько отличающихся друг от друга. Первый из них имеет равномерно расширяющуюся колоколовидную форму, корпус которого украшен пятью рельефными параллельными горизонтальными линиями. Между третьей и четвертой линиями проделаны четыре прямоугольных сквозных отверстия. В его верхней части прикреплено круглое кольцо, посредством которого он закреплялся к упряжи. Внутри сохранился железный язычок. Второй аналогичный колокольчик отличается округлостью форм корпуса и отсутствием украшений.

Колокольчики хорошо известны по раскопкам на Кармир-блуре, где они имеют несколько иную форму. Их округлые суживающиеся массивные стенки, отлитые вместе с дужкой для подвешивания, украшены вертикальными прорезами и елочным орнаментом. В одном случае сохранился железный язычок. Эти колокольчики интересны также тем, что они обнаружены с другими изделиями конского убора с надписью Минуа. Как отмечает Б. Б. Пиотровский подобные колокольчики были широко распространены в Закавказье и на Северном Кавказе: в Раче, казбекском калае, в кургане у станицы Елизаветинской и других местах²⁵.

Распространение аналогичных колокольчиков по Закавказью и Северному Кавказу, где часто встречаются и другие былинские металлургические предметы (мечи, шлемы и т. д.), свидетельствует о широком экспорте металлургических изделий Ванского царства в соседние страны. Вместе с ними на Кармир-блуре найдены колокольчики с надписью «Из хранилища (царя) Сардури²⁶ и царя Аргишти²⁷», близкие к первому варианту колокольчиков

Ереванской гробницы. Интересны находки подобных колокольчиков из Алишарской гробницы, на одной из которых сохранилась короткая односторонняя надпись, содержащая имя царя Аргишти I²⁸.

Колокольчики подобной формы в последние годы найдены в случайных раскопках на территории Западной Армении и северо-западного Ирана. Хранятся они в Базельском и Британском музеях. То же самое можно сказать о колокольчиках второго варианта, которые происходят из тех же районов и хранятся в музеях Майнца и Базеля²⁹.

По-видимому, к частям конского убора относятся также бронзовые копусообразные ремни с knobочными вершинами высотой 2,5–4,5 см, диаметром 6–8 см с крупной дугообразной петлей с внутренней стороны, для прищипывания к матерчатой или кожаной основе.

Подобные ремни известны из игдарского могильника. Б. А. Куфтин отмечает, что их назначение не вполне ясно, но наличие петельки для прищипывания говорит о том, что они могли принадлежать конской упряжке³⁰. Особенно интересна находка двух подобных изделий в алишарской гробнице, которые Б. Б. Пиотровский рассматривает в качестве близких конского убора³¹. Одна из них совершенно аналогична рассматриваемой нам, другая — ажурная, с клиновидными сквозными отверстиями. В отличие от наших, она имеет не knobочную, а округлую головку. Алишарский комплекс содержит, кроме указанных колокольчиков и ремней, также детали котла в виде крылатой женщины и бычьей головы и т. д., датированные по упомянутой на колокольчике надписи Аргишти I, VIII в. до н. э., что еще раз свидетельствует в пользу нашей датировки Ереванской гробницы.

За последние годы, на территории Западной Армении, было найдено несколько knobочных ремней, которые хранятся в Базельском музее и датируются VIII—VII вв. до н. э.³²

Также известны, с вершинами в виде парных звериных головок или фигурок зверей, найдены в Абхазии³³.

Бесспорно, к конской упряжке также относятся две круглые, слегка выпуклые блинны с петелькой с внутренней стороны (диаметр 6 см). Внешняя поверхность первой украшена чередующимися четырьмя прямыми, с зернью, рельефными линиями и knobочным выступом в центре. Вторая имеет аналогичное украшение с тем лишь отличием, что между двумя рядами рельефных линий проходит по две пары впадин. Подобные блинны хорошо известны по находкам на Кармир-блуре, где они найдены в комплексе конского убора, с надписью

царя Минуа. Однако среди кармирблурских блинн имеются как совершенно гладкие, так и украшенные зернью и 14—ленестовыми розетками³⁴.

Также же блинны найдены и при случайных раскопках в различных пунктах Западной Армении (ныне хранятся в музеях Западной Европы: Лез-Арса, Мюнхена, Швейцарии и др.)³⁵.

Подобная блинны, украшенная многоленестовой розеткой и зернью происходит из Каяладере³⁶.

Подобные блинны были найдены А. А. Мартиросовым, в одном из местных погребений IX—VIII вв. до н. э. махарашского могильника³⁷.

Части конского убора были найдены и в богатом кироваканском кургане, наряду с железным оружием, различными украшениями, прекрасным поясом, ориентированным семейно-войсковой. Они состояли из двух бронзовых удили, нескольких колокольчиков, сблизившихся со вторым вариантом колокольчиков из Ереванской гробницы и носимых блинн.

По своей форме они напоминают кармирблурские, где обнаружено 120 подобных блинн, одна из которых имела надпись царя Сардури, А. А. Мартиросов считает, что они имеют местное происхождение и несколько отличаются от урартских. Материалы из указанных погребений, в частности, украшения не составляют исключения, а часто встречаются в погребальных комплексах Нортуца, Хратана, погребения № 5 Гегагота, Мусперя, Ахната и других, составляющих большую группу памятников Восточной Армении.

Вместе с тем он считает, что изделия из Кировакана и Махарашена, как и из других указанных памятников, не являются характерными изделиями былинского населения эпохи урартской экспансии и мощного ассирийского культурно-экономического воздействия. Эти изделия, импортированные или изготовленные на основе древносторонних прототипов, являются, по его мнению, не только датированные эти погребальные комплексы VIII в. до н. э., но и указывающими на перевооружение племенных дружин оказывающих упорное сопротивление урартам³⁸.

В данном случае нас больше интересует не происхождение этих блинн, которые на наш взгляд могут иметь и былинское происхождение, а четкое обоснование рассматриваемых комплексов VIII в. до н. э.

Все выше рассмотренные материалы, в виде колокольчиков, блинн, удили с надписями царей Минуа, Аргишти и Сардури царей IX—VIII вв. до н. э., способствуют правильной датировке Ереванской гробницы.

Хотя территория Еревана была освоена лишь при Аргишти I, по всей вероятности, набеги сюда производились и раньше. Что же касается обнаружения мощных стен урартской крепости в Арташате, то, возможно, что они были основаны при Минуа, а следовательно, часть левого берега Араратской долины могла быть присоединена к Ванскому царству при нем.

Кроме крупных блинн в гробнице обнаружена и одна небольшая (диаметр 4,2 см), которая хорошо перекликается с аналогичными изделиями из Кармир-блур, имеющими плоские борты и выпуклую среднюю часть.

Подобные блинны, кроме принадлежности к конскому убору, могли служить и частями панциря. Это предположение подтверждается широко известным фактом обшивания подобными блиннами кожаных и матерчатых панцирей. Что же касается их применения в былинских дослесах, то об этом свидетельствует находка из Кармир-блур — блинны, ориентированная, 12-ленестовой розеткой, найденная вместе с чешуйчатой панцирем. На лицевой стороне блинны сохранилась надпись «Богу Халди-валдыке. Этот панцирь Аргишти подарил»³⁹.

Кроме рассмотренных изделий из предметам вооружения или конской упряжи может относиться фрагмент крупного кольца, служившего частью портуки или упряжки коня.

Здесь также найдены один крупный и шесть мелких бронзовых гвоздей с полуаурированными шляпками, по-видимому, относящихся к частям мебели. Подобные гвозди известны из гробницы Каяладере, где они были найдены с частями мебели⁴⁰ и в Альтин-тене⁴¹.

Вместе с ними в Ереванской гробнице найдены четыре ножки быка, изготовленные из узкой пластичной бронзы для закрепления на деревянные основы. Подобные части мебели, скорее всего треноги, в виде конских и бычьих бронзовых ножек с четко отменными копытными, хорошо известны из Алишары⁴², Кармир-блур⁴³ и Каяладере⁴⁴. Ножки треног украшались и бронзовыми львиными лапами. Последнее хорошо известно по находкам в Топрак-кале⁴⁵, Кармир-блур⁴⁶. Аналогичные части мебели в виде ножек быков, коней и львов обнаружены в Альтин-тене⁴⁷. Кроме указанных, три аналогичные львиные лапы, хранящиеся в музее Базеля, найдены в центральных районах Ванского царства⁴⁸.

Аналогичные по форме, но цельнотканые ножки украшали канделябры из Топрак-кале⁴⁹ и Кармир-блур⁵⁰.

Особенно интересны канделябры датированные

IX—VIII и VIII—VII вв. до н. э. найденные в последние годы на случайных раскопках в центральных районах Ванского царства, ныне хранящиеся в музее Западной Пармы⁹⁵. Интересен и канделибр с надписью Руш II (Гамбургский музей), на изгибе ножек которого были помещены лежащих крылатых быков с человеческой головой и завершающиеся копытцами, выходящими из лямной пасты⁹⁶.

Кроме вышесказанных, к числу найденных в гробнице изделий, следует отнести небольшую группу металлургической утвари, состоящей из бронзового ведерка, чаши и двух ручек металлургических сосудов. Ведерко изготовлено из тонкой литейной бронзы и имеет слегка суживающееся тулово, переходящее в прямой округлый венчик (высота 11 см, диаметр 12 см). К бортам ведерка, как и кочачкам, прибиты, выступая над венчиком колечки, через которые проведены изогнутые концы круглой в сечении проволоочной дужки. Под венчиком проходит рельефная линия.

Подобные бронзовые ведерки и их изображения на фресках, хорошо известны в Ванском царстве. Так, в 1946 г. в кладовой 12 Кармир-блур, вместе с комплексом изделий, состоящим из частей мебели, бронзового пояса, бронзовой чаши и золотых серег, был найден обломок бронзового ведерка, борта которого, как у многочисленных бронзовых котлов, были украшены скульптурными головками быков⁹⁷. Несколько подобных бронзовых и бронзовых ведерок, поступивших из территории центральных районов Ванского царства хранятся в европейских музеях. К их числу относится ведерко из Швейцарского и Лез Арского музеев. Все они близки по размерам к нашему (высота 9,8—11,6 см) и лишь слегка отличаются небольшой суженностью в центре корпуса. На одном из этих ведерок сохранилась надпись Иншуну, сына Сардури и Иншуну, а на другом только Иншуну⁹⁸.

Как видно, ведерко как и значительная часть бронзового инвентаря Ереванской гробницы, принадлежит к группе изделий биванского прикладного искусства, которые иногда носили посвященные надписи царей раннего периода Ванского царства. К этому же времени относится значительная часть изображений ведерок в руках различных богов на фресковой живописи. Так среди фресок перистильного двора и малого зала Эребуни имеются сцены, где, в качестве культовых атрибутов гениев, выступают ведерки рассматриваемого типа⁹⁹.

Тот же атрибут наблюдается в руках крылатого

быка с человеческим торсом (Шеау) из большого зала дворца Эребуни¹⁰⁰.

Не менее интересны сцены и на фресках из Атайн-тепе. Здесь, как и в Эребуни, имеются фрагменты фресок с изображением дерева жизни и стоящих вокруг него богов с венчиками в руках. Среди фрагментов этих фресок имеются также изображения Шеау, в левой руке которого находится ведерко аналогичной формы¹⁰¹. Подобные ведерки имеются в руках Уарубани¹⁰² и крылатых львов¹⁰³, изображенных на различных металлургических изделиях.

Для типологического анализа и уточнения списка царей Ванского царства особенно примечательны три ведерка, найденные в центральных районах Ванского царства. Одно из них хранится в Тольском музее Восточного искусства. Оно близко по форме с ереванским, с тем лишь отличием, что его борта украшены рельефными бычьими головками¹⁰⁴. Эта находка с одной стороны позволяет восстановить форму кармирблурского, а с другой — дает возможность выделить новую группу изделий, борта которых украшались бычьими головками. Не менее интересно второе ведерко. Под ее венчиком, как и у остальных, проходит рельефная линия, а в верхней части тулова, поясок с изображением пальметок и плодов. Пространство между обоями пояском украшено изображением дерева жизни, по сторонам которого стоят бордастые быки в длиннополю одежде и головных уборах. Правые руки предопыты для благословения, а в вытянутых, слегка опущенных левых руках они держат ведерки, аналогичные тем, на которых они изображены¹⁰⁵. Особенно интересно для датировки подобных изделий, другое ведерко, в верхней части которого сохранилась надпись Иншуну и его внука Иншуну¹⁰⁶.

Имя Иншуну впервые упоминается в надписи около Таурваских ворот в Ване, где говорится, что Иншуну вместе со своим внуком Иншуну построил «сыи бога Халди и ворота бога Халди»¹⁰⁷. В трех других надписях из Вана и Каралана, Иншуну упоминается вместе с именем своего отца — Минуа. В этих надписях сообщается о возведении стел богам Халди, Хутуни и Шивани¹⁰⁸.

Факт упоминания Иншуну в надписях деда и отца, а также наличие собственной надписи на одном бронзовом дисконидной предмете из Западной Армении, чрезвычайно интересен. Этому理由 посвящена статья востоковеда В. Сенина «Иншуну сын Минуа»¹⁰⁹. Здесь автор считает, что Иншуну, хотя и был одним из князей, имевших влияние и реальным претендентом на царский пре-

стол и даже какое-то время правил со своим отцом, о чем свидетельствуют вышеуказанные надписи, он так и не стал царем. Однако его надпись на вышесказанном диске свидетельствует, на наш взгляд, о его кратковременном правлении.

Иногда спорность этого тезиса, В. Сенин полагает, что Иншуну восстал против Минуа и победил некоторой самостоятельностью. В пользу своего тезиса он приводит дикавказскую надпись: «Иншуну сын Сардури подарил Иншуну свое собственное Кибару, где, как видим, не упоминается имя отца. Иншуну, что В. Сенин рассматривает как некоторое противоречие между Минуа и его сыном Иншуну, и как попытку дворцового переворота, который вскоре был подавлен Минуа.

Как видно, в этом толковании очевидны некоторые противоречия. Как уже говорилось, имя Иншуну упоминается как вместе с делом Минуа, так и (трижды) вместе с отцом Минуа, то есть, уже после смерти Иншуну.

Что же касается дарственной надписи Иншуну на ведерке, то это не единственная надпись подобного рода. Как известно, имеется надпись из Катепяна близ «канала Минуа» сообщающая, что «Дочери Минуа Тарива (принадлежит) этот виноградник: Таривахчинили — имя (его)»¹¹⁰.

Наличие подобных надписей показывает, что в Биванлии существовал обычай не только дарения, но и подкрепления этого акта соответствующими правовыми надписями. Но подобные надписи ни в каком случае не могут свидетельствовать о противоречиях, тем более, о попытке дворцового переворота, как предпологает В. Сенин.

Нам кажется, что Иншуну даже наследовал престол Минуа, о чем говорит надпись на указанном дисконидном предмете, но на очень короткое время. Аргинти I, заменивший брата, естественно, не упоминал его имени и по принятой традиции указывал лишь имя отца.

К числу изделий металлургической утвари, обнаруженной в Ереванской гробнице, относится прекрасная бронзовая чаша. Она имеет округло-расширяющееся тулово, едва заметные профилированные борты и округло выступающий венчик. Вся ее поверхность, кроме бортов и кольцевидного дна, украшена трехрядными лепестковидными розетками. Лепестки каждого ряда, в свою очередь, имеют слегка овальную форму и с обеих сторон околнурены короткими полукруглыми черточками и напоминают канделибры вышерассмотренного керамического сосуда со слияном, украшенного фигурной лямой из гробницы и одноручного кувшина из Аргинтихинили.

По своей форме она сближается к чаше хранящейся в музее Лез Арка, происходящей из центральных районов Ванского царства¹¹¹. Однако, последняя украшена не трехрядной розеткой, а крупными овальными рельефными лепестками, которые сверху околнурены полукруглыми рельефными линиями. На борту чаши сохранилась надпись Иншуну.

Аналогичная по форме и орнаментальным мотивам чаша, также происходящая из центральных районов Ванского царства, хранится в музее Майица, которую исследователи датироват IX—VIII вв. до н. э. Близость орнаментальных мотивов указанных чаш из музеев Лез Арка и Майица, твердо датированных ранним периодом Ванского царства, четко указывает на раннее происхождение как формы, так и орнаментальных мотивов этих сосудов, которые дополняются находками из Ереванской гробницы и Аргинтихинили.

При рассмотрении этих сосудов хотелось бы остановиться на одной чаше-фиале из Головинского могильника, диаметром в 15,5 см, с вертикальными бортами, длинные и нижняя часть тулова украшены 18 лепестковой розеткой, в центре которой имеется вдавленный кружочек¹¹².

Однако новые находки бронзовых чаш-фиал, среди которых имеются и аналогичные головкам чаш из Кармир-блур с надписью «Собственность Сардури»¹¹³ и из центральных районов Ванского царства¹¹⁴, четко показывают, что Головинская чаша также относится к урартским изделиям.

Последняя группа металлургической посуды представлена фрагментарно, вернее, двумя сохранившимися бронзовыми ручками от различных сосудов. Одна из них крупная, удлиненной формы, слегка граненая. Вторая — несколько меньших размеров. Она круглая в сечении, и в части изгиба имеет небольшой шишастый выступ. На первый взгляд эти ручки перекалдуются с ручками котлов-ситуа, хорошо известных из Игдара и Кармир-блур. Эти сосуды, уже неоднократно, были предметом специального исследования (Иссен, Куфтин, Пиотровский, Крупов, Тевоз и др.) благодаря которым выявлено, что они имеют кавказское происхождение и проникли в южные районы Закавказья и на Армянское нагорье в основном в VIII—VI вв. до н. э.¹¹⁵ Однако, как известно, ручки подобных сосудов имеют по два выступа, придающих им форму котловых шишечков. Наши же экземпляры, как уже говорилось, первый снабжен одним шишастым выступом, второй же, гладкий. Это обстоятельство заставляет отказаться от мнения, что эти ручки являются фрагментами ситуа. Скорее

всего, это ручки металлических сосудов, которые называют хорошо известные красноокрашенные двуручные кубки с выгнутым туловом и высокой шейкой. Часть ручек этих сосудов снабжена пластинчатыми выступами, но большей частью они гладкие. Подобные сосуды хорошо известны из Арташтинских¹⁰², Эрзрунских, городских кварталов Тейшебаши, в погребении на улице Туманяна (Ереван)¹⁰³, Ошакан¹⁰⁴ и многих памятников Западной Армении и Ирана (Эвогау, Тесе-Думбат, Нушиджана, Гею-тесе, Зигис, Патноца, Айкберда, Баста и т. д.)¹⁰⁵.

По своей форме они напоминают кубки в руках даншюков, изображенных на рельефе Керсека в Персеполе, которые по предположению ученых представляли армянам, преподносившим дар персидскому царю¹⁰⁶.

Эти находки с одной стороны показывают, что в Ванском царстве наряду с глиняными кубками использовались и металлические, а с другой, что характерные вавилонские сосуды бытовали в Армении и в ахеменидский период. О том, что на упомянутой части рельефа Керсека изображены армяне, свидетельствуют и наблюдения Б. Б. Piotrowsкого. Как известно, Руся II после победы Ашурбанипада над Эланом послал своих послов приветствовать ассирийского царя. Судя по изображениям на рельефах послов, присутствовавшие при жестоких казнях элланитов, носили на головах мягкие войлочные шапки с висками, которые с полным основанием сопоставляются со шляпами армян, изображенных на укаланинских рельефах в Персеполе¹⁰⁷.

Большую группу найденных в гробнице изделий составляют украшения. К их числу относятся бронзовая булава в виде круглого стержня с крупным валикообразным выступом в верхней части, которая украшена двумя-тремя рельефными линиями. Булава завершается четырьмя рельефными бараньими головками. Аналогичные булавы с выступами в виде фигурок животных или их головок хорошо известны из Карнир-бура, погребений близ Армавирыского холма¹⁰⁸, Ошакана¹⁰⁹ и Нор Ареша, где они завершаются птичьими фигурами¹¹⁰. Булава по форме булава, которая в отличие от укаланинских, завершается не фигурами или головками животных, а четырьмя крошечными выступами, известна из Игдара и села Ахдари Ахалцихского района¹¹¹. Несколько отличается по форме булава из Мусиери с навершием в виде сидящей птицы¹¹².

Другую большую группу украшений составляют эмееголовые браслеты (8 штук). Все они мас-

сивные, крупные, пельноотлитые. Положены они в погребение в искривленном, обломанном виде, а в двух случаях с обрубленными головками. Эти браслеты делятся на два типа. Шесть из них, образующие браслеты первого типа, имеют гладкий корпус и несколько отличаются друг от друга по оформлению головок эмей. Некоторые из них имеют небольшие узкие головки, с заостренной мордой и четко отмеченными глазами. У других головки более крупные, почти квадратные, с широкими мордами и рельефными глазами, отмеченными надбровными дугами. Ко второму типу относятся два других браслета, отличающиеся лишь зубчатой формой головки.

Эти браслеты, хотя и не относятся к распространенным вавилонским изделиям, достаточно известны. Так, они часто встречались в Игдарском некрополе, где аналогичные головки Б. А. Куфтина называет львиноголовыми. Однако он же указывает, что выгнутость головок некоторых браслетов напоминают эмееголовые.

Подобные браслеты происходят также из Армавиры и села Завим, бывшего Оалтинского округа¹¹³.

После публикации Б. А. Куфтина количество находок подобных браслетов значительно возросло. Так, они хорошо известны из могильника Эрзрун в Нор-Ареше, с ребристой поверхностью и четко отмеченными деталями голов—глаз, надбровных дуг и челюстей¹¹⁴. Найденные подобные браслеты и при раскопках цитадели Эрзрун, где они имеют несколько выгнутую форму головы¹¹⁵, и чаще совершенно аналогичны другим типам браслетов из Ереванской гробницы¹¹⁶. Эмееголовые браслеты найдены также в Карнир-бура, где среди прочих находок имеется замечательный золотой браслет с четко отмеченными деталями головы¹¹⁷, а также из Арцх и Патноца (Деледа)¹¹⁸.

Эмееголовые браслеты хорошо известны из «местных» памятников на территории Республики Армения, где они появились под влиянием вавилонского ювелирного искусства или же являлись изделиями вавилонских мастеров. К их числу относятся замечательные браслеты из Муханат-тапа (Ереван), Армавиры, Ахстадзора, Атарбекяна, Хизула, Бажки, Мухана, Камо, Вардениса, Одуна, Кобера, Шамшадина и т. д.¹¹⁹.

К числу украшений относится небольшое количество крупных бочковидных (28 штук) и шаровидных (12 штук) агатовых бус. Вместе с ними найдены и три дисковидные бусы—разделители. Все они имеют двустороннее сверление, великолен-

но отшлифованы и являются прекрасными образцами вавилонского ювелирного искусства.

Бусы с подобной отделкой хорошо известны из раскопок Карнир-бура и лишь изредка встречаются в Эрзрун.

В группу украшений входят также фрагменты бронзовых трубок и металлических подвесок. Здесь же найдены бронзовые слитки, изогнутый бронзовый предмет и две треногие подставки от каких-то предметов. Найдены также необработанный обсидиановый отщеп.

К последней группе замечательных предметов вавилонского прикладного искусства относятся, фрагментарно сохранившиеся, бронзовые пояса. Они богато украшены различными гравированными изображениями и, без сомнения, являются ценным источником для исследования культуры и искусства Ванского царства и сопредельных с ним областей.

Находясь этих, как и ранее найденные на территории Республики Армения, бронзовых поясов происходит по большей части из планомерно исследуемых и четко датированных памятников, что и повышает их научную ценность. Вместе с тем, они дают возможность, уточнения датировок случайно найденных поясов, среди которых также встречаются уникальные, к сожалению, несколько обесцененные из-за отсутствия сопровождающих комплексов.

Эти пояса навешивались на кожаную или матерчатую основу, что делало их удобными при употреблении и, кроме того, служило дополнительной защитой, смягчая удар от оружия противника. Многие исследователи начиная от Жака де Моргана (Пюторский, Кушнарева, Мартиросян, Есакин и др.) считают, что бронзовые пояса были продолжением панциря, являясь составной частью доспеха, что и подтверждают новые данные.

Так, атрибутами многих бронзовых статуэток воинов начала I тыс. до н. э., найденных на территории Республики Армения, являются копье, нож, щит и пояс¹²⁰. То же самое наблюдается в искусстве Ванского царства и Ассирии. Так, воины царя Араме (около 860—840 гг. до н. э.), судя по сценам Балаганских ворот, изображены в шлемах с гребнем, небольшими круглыми щитами и поясами¹²¹. Помимо своей основной защитной функции, пояс выполнял и другую—культурную. По словам Б. Б. Piotrowsкого, «поясы» заключены в круг, было магическим средством защиты от злых сил¹²², вместе с тем сочелось в себе определенную связь с астральными представлениями¹²³.

Подобной точки зрения придерживались и Р.

Гиршман¹²⁴. Чутью, но краткую характеристику закавказским поясам, которую целиком можно отнести и к вавилонским, дал А. А. Мартиросян, считающий что бронзовые пояса, встречавшиеся в могильниках Закавказья, относятся безусловно к вавилонскому снаряжению, но военно-защитная их значимость сходит совершенно на второй план при первом же ознакомлении с изображениями на них и поэтому большая часть исследователей считает их культурными предметами¹²⁵.

Бронзовые пояса из Ереванской гробницы вполне подходят под это определение. По своим размерам и орнаментальным мотивам они делятся на две группы. Первая состоит из двух широких (19 см), длинных поясов, украшенных сценами охоты. После реконструкции первого пояса этой группы выяснилось, что он имеет длину около 1,20 м. Бордюром украшен двурядными линиями, сверху которых по краям бортов проходит многочисленные сквозные отверстия для привинчивания к кожаной основе. Вся лицевая поверхность пояса заполнена сценами охоты, причем большая часть их изображена справа налево. В левой части сохранились изображения многочисленных быков, расположенных двумя рядами друг над другом. На двух фрагментах, расположенных несколько правее, наблюдаются следы боевых колесниц и львов. На следующем крупном фрагменте сохранились многочисленные изображения скачущих коней. На шести последующих фрагментах видны изображения львов, всадников и боевых колесниц. Последний крупный правый фрагмент этого ряда наиболее насыщен различными изображениями. Изображения представлены пятью расположенными друг над другом боевыми колесницами, нападающими на них львами и преследующими этих хищников всадниками. Эта композиция повторяется дважды. Правая сторона рассматриваемого пояса состоит из трех рядов чередующихся изображений: львов и боевых колесниц, перед которыми расположены в два ряда всадники, преследующие львов и быков. Правый конец пояса завершается рамкой, в которой расположены четыре фигуры львов (верхний угол сложен).

Несмотря на фрагментарность пояса, здесь видна широко распространенная в искусстве Ванского царства композиционная сцена охоты.

На этих изображениях все фигуры охотников и животных показаны в стремительном движении. Часть фигур быков, лошадей и львов изображены в стремительном галопном бегстве со сгруппированными для прыжка ногами, с высоко поднятыми хвостами, другие же агрессивно нападают на всад-

ников или воинов, стоящих в колесницах. Вместе с тем, древние художники, сохраняя присущую им черту тщательного подчеркивания деталей фигур животных (туловища, головы, рога, глаза, ноздри, гривы, мышцы ног), по многим случаям изображают их в стилизованном виде или несколькими штрихами, передавая отдельные детали.

Огромное значение для изучения графического искусства Ванского царства имеют изображения фигур охотников, всадников и колесничих.

На полове изображены легкие колесницы, в которых стоят всадники и воины—лучники. На одном изображении не вырисованы дышла, и кони как бы скачут свободно; четко прорисованы только поводы. Колеса у отдельных колесниц разное—с четырьмя или шестью спицами. В обоих случаях спицы фигурные и лишь у четырех случаев—в виде прямых, перекрещивающихся планок. Всадники в длиннополых кафтанах, украшенных бахромой, головных уборах, в виде остроконечных шлемов, низких круглых или остроносовых шапочек. Они управляют конями уздечками или острой палкой. Часть коней скачет с разбегающимися, а другие с подвязанными хвостами, головы их украшены султанами. Всадники вооружены копьями и не имеют характерных для подобного типа изображений щитов. Колесничие обычно в остроносовых шлемах и вооружены луками и стрелами. Возницы в левой руке держат короткие палки, по-видимому, рукоять плети.

Второй полове, (длина сохранившейся части около 1 м) имеет аналогичный первому полове бордюру, однако в отличие от него, расположение фигур в двух композиционных частях—левой и правой—одинаковы.

На двух фрагментах левой стороны полова, полностью или частично, сохранились изображения шести крылатых быков в стремительном беге. Часть из них с приоткрытыми ртами, иногда с высунутыми языками, другие—с закрытыми ртами. На другом крупном фрагменте изображены крылатые фантастические существа: крылатые кони с лопаты в виде лыжных лап или комы, крылатые львы с клювом хищной птицы, крылатые птицы с лыжными лапами и рыбьими хвостами. В центре фрагмента навстречу коню с лыжными лапами движется стилизованная фигура коня, тело которого украшено извилистыми черточками.

На третьем крупном фрагменте левой стороны, изображены также фантастические существа, расположенные в пять рядов по вертикали. В левой части фрагмента сохранилось изображение четырехспинного колеса, над которым, навстречу обе-

му потоку, движется фигура хищника, отделенно напоминающая льва.

Во всех рядах этого фрагмента расположены, почти один и те же животные—крылатые кони, крылатые быки с головами хищных птиц, голова какого-то животного, отделенно напоминающего медведя, лъвы, быки и кони. В конце полова видны следы изображений трех колесниц. Хотя на них не сохранились изображения всадников и лучников, на двух прорисовываются нагнутые поводы, а на другой рука с нагнутой тетивой лука. Как и на первом полове, часть голов коней украшена пышными султанами. Спицы этих колесниц имеются изображения львов и, по-видимому, быков, которые нападают на эти колесницы. За колесницами в обратном направлении следуют фигуры львов и быков, которые, очевидно, нападают на преследовавшихся их всадников (фигуры всадников не сохранились). Правая полоса сохранилась фрагментарно, не завершена бордюром, свидетельствует о том, что полове имел большую длину. Эта часть полова также богато украшена изображениями фантастических животных. Здесь, как и в левой части, имеются изображения аналогичных крылатых львов, быков и коней, которые, однако, трактуются в несколько ином плане.

Часть из них имеет головы хищных птиц, у большинства же хвосты не приспущены, а слегка изогнуты подняты вверх или повисают над спинами животных. Четко обозначены гривы крылатых коней. Здесь встречается совершенно новое изображение. К их числу относится сень фантастических существ расположенных в три ряда по вертикали. Это крылатые львы с рыбьими хвостами и женскими головами, человеческими ногами или когтями хищной птицы. У всех этих фигур четко отмечены небольшие миндалевидные глаза, слегка приоткрытые рты, небольшие носы, чуть выдвинутые или еле заметные округлые подбородки. Головы всех фигур покрыты круглыми мглистыми шапочками, из под которых ниспадают на плечи волнистые волосы. Перед ними, в статичном положении, два ряда крылатых фантастических животных с бычьими головами, разинутыми ртами, высунутыми длинными острыми языками, ноги завершаются когтями хищных птиц, хвосты короткие, слегка заостренные, стилизованные. Львы переданы в ланном движении, с изогнутыми над спиной хвостами. Последний ряд этого фрагмента заполнен шестью, расположенными по вертикали, бовыми колесницами, колеса которых снабжены шестью ажурными спицами. Как и на первом полове, колесничих изображены без дышла, по вы-

рисовываются следы поводов. Во всех шести колесницах нет людей, но над второй и третьей колесницей имеются изображения рук, держащих нагнутые луки. Изображение коней переданы также в разной трактовке. Кони, запряженные в две верхние и две нижние колесницы, изображены в стремительном беге со сгруппированными, слегка приподнятыми передними и вытнутыми задними ногами. В то же время, кони двух средних колесниц изображены как бы в перенормальном марше. Они движутся свободно, с высоко приподнятыми лыжными ногами. Самым интересным сюжетом этого фрагмента является небольшая сцена расположенная между фигурами львов, крылатых быков и фантастических существ с женскими головами. Здесь изображен крупный как бы полувзрослый бык, на хвост и спину которого наступила лев, лъзкой пожиривший свою жертву. Хотя фигура хищника передана полностью, его голова скрыта за тушей быка и виден лишь край торчащего уха. Эта характерная сцена, четко подмеченная и переданная древним художником, говорит о том, что, даже в момент смертельной опасности, разъяренные звери могут напасть на более слабых и разорвать их.

На трех крайних правых небольших фрагментах сохранились изображения коня преследующего быка, от которого виден лишь хвост, скачущего коня и нападающего на него льва, а также всадника, на которого нападает лев. Особенно примечательно, что на шее льва, изображенного в отчаянном прыжке с отрывающимися от земли четырьмя лапами, помещена фигура небольшой птицы. Эта трактовка, насколько нам известно, не встречается в бианский искусстве, но хорошо перекликается с левым рядом сцен охоты на закавказских половах, где птица выступает в роли покровителя того существа над которым она помещена.

Повея с близкими композиционными сюжетами или аналогичными фигурами животных хорошо известны по находкам в различных частях Ванского царства. К их числу относятся бронзовые полове из Аландского музея, где имеются фрагменты охотничьих сцен, когда воины в колесницах преследуют львов и львов¹⁷. На другом фрагменте полова, из этого же музея, имеются близкие по форме изображения крылатых быков и крылатых антропоморфных существ. Особенно интересен фрагмент полова из этого же музея, на котором крылатые фантастические существа с человеческими головами и с рыбьими хвостами в точности повторяют подобные фигуры на втором полове из Ереванской

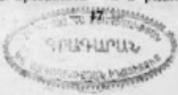
гробницы. В отличие от наших они изображены в шлемах и стреляют в убегающих львов. Аналогичные изображения женских существ и крылатых быков, в статичном положении, имеются на одном из полов, хранящихся в токийском музее Восточного искусства; вместе с быками и львами имеются изображения скачущих зайцев¹⁷. Особенно интересно, что изображение скачущего зайца, как уже говорилось выше, было обнаружено на дощках одной урны и миски из Ереванской гробницы.

В токийском музее имеется массивный полове (№ 25) весь покрытый охотничьими сценами, где воины в колесницах преследуют быков и львов. Хотя по сюжету он близок нашим половам, но отличается композиционным планом. Полове имеет три полове, отделенных друг от друга розетками, в каждой из которых повторяются близкие по сюжету сцены, выполненные в статичном положении. Повея с охотничьими сценами хорошо известны также и по находкам в центральных районах Ванского царства, ныне хранящихся в музеях Западной Европы. К их числу относятся фрагменты и целые полове, хранящиеся в музеях Лез Аркса, Базеля, Парижа, Мюнхена¹⁸. Статичные изображения крылатых быков с рыбьими хвостами и мифических существ с головами женщин, которые стреляют из лука, встречаются на полове из Мюнхена¹⁹.

Кроме случайных находок, полове с охотничьими сценами имеются и в четко зафиксированных памятниках—Капидере, Эребуни²⁰ и тийского мотельника²¹, хотя совершенно различные композиционно.

Как видим, оба полове из Ереванской гробницы относятся к близким половам с баталью-охотничьими и мифическими сценами, широко распространенными в искусстве Ванского царства. Изучение этой группы полов показывает, что наряду с различными композициями, переданными по всей длине, имеются полове, где близкие по теме композиции чередуются в отдельных полосах, отделенных друг от друга розетками, пальметками или вертикальными линиями образуя своеобразные рядки. Анализ композиционных сцен этих полов, оформленных их бордюром как и элементов (различное трактование фигуры, или наличие тех или иных животных, людей, шеду, генев и т. д.) показывает, что мастера-граверы, украшающие эти полове, имели определенную свободу как в трактовке мифических и реальных образов, так и в выборе композиционных тем предлагаемых заказчикам.

Третий полове из Ереванской гробницы относится к редко встречающимся в искусстве Ванского

царства поясам с геометрическим орнаментом. Он сохранился в виде пяти небольших фрагментов общей длиной 26 см, шириной 9,5 см. По краям его проходит низкий бордюр в виде двух параллельных линий, над которыми расположены многочисленные отверстия для пришиваки. Поверхность пояса разделена на четыре полосы шириной 1,5 см, между которыми оставлены свободные пространства шириной 0,6 см. По обе стороны каждой полосы (по всей длине) расположены равнобедренные треугольники, украшенные точечным орнаментом, а свободное пространство между ними создает видимость зигзагообразной линии. Этот мотив впервые встречается среди поясов с геометрическим орнаментом в Ванском царстве, где до сих пор хорошо были известны пояса с точечным и реже со спиральным рисунком. Вместе с тем следует отметить, что этот декор известен в оформлении бордюра бронзовых поясов из Кировакана и Мингеаура¹²².

Последним рассматриваемым изделием, найденным в Ереванской гробнице является печать, вырезанная из гипера (высота 2,4 см, диаметр 1,4 см). Она гиревидная, имеет слегка сужающееся туловище и снабжена колющим ушком, со слегка смещенным от центра сквозным отверстием для подвешивания. На плоской лицевой стороне печати изображена птица с широко раскрытыми крыльями, с тонкими когтистыми ногами. Перед заостренным клювом, треугольной формы, вырезано несколько неясное изображение, в виде полукруглых линий, в котором, предположительно, можно угадать змею (табл. XXI). По всей вероятности здесь изображена одна из наиболее распространенных птиц, относящихся, к так называемому «ярадонному»¹²³ бняйских печатей, выделенных Е. Порадой¹²⁴.

Подтверждением широкого распространения печатей подобного типа может служить отыск на небольшом каресе из Аргитихтиняна. На этом отыске видно реальное изображение птицы, которая правой ногой приподняла хвост змеи, а клювом схватила ее голову. Над крыльями птицы выведен молодой полусекс, ухвативший на небесно-космическое происхождение птицы, и змея-противоборствующее начало зла, а вся сцена — борьба двух сил космической стихии¹²⁵.

На сегодняшний день известно довольно большое количество урартских печатей, которые происходят из многих центров Ванского царства — Эребуни, Аргитихтиняна, Бастам, Топраш-кале, Ошакан и особенно много печатей было найдено в

Тейшебани. В специальной литературе, посвященной их изучению, печати по формам разделены на три вида-штемпи с зооморфной фигурой в верхней части, цилиндрические печати и наиболее распространенные гиревидные и колоколовидные¹²⁶. Гиревидные печати, к которым относятся и рассматриваемая нами из Ереванской гробницы, найдены на всей территории Ванского царства — Эребуни¹²⁶, Аргитихтиняна¹²⁷, Тейшебани¹²⁸, в Западной Армении¹²⁹ и на территории Ирана — Бастам¹³⁰. Хотя большинство их найдено в памятниках VII в. до н. э., но находки в памятниках VIII в. до н. э. — Эребуни и Аргитихтиняна говорят о том, что многие имеют более раннее происхождение.

Анализ археологического материала гробницы четко показывает, что изделия найденные здесь относятся к первому периоду Ванского царства и, по всей вероятности, датируются VIII в. до н. э. Решающую роль для датировки этого интересного комплекса играют не металлические изделия, которые, как известно, бытуют и в более поздних памятниках, а керамика, которая вместе с немногочисленными находками из Эребуни и Аргитихтиняна образует небольшую группу изделий гончарного производства Ванского царства раннего периода.

В настоящее время, трудно сказать, какому городу — Эребуни или другому нам неизвестному (городу на холме Кармир-блур отпадает, так как гробница была сооружена раньше города Тейшебани) принадлежала некрополь, где находилась эта гробница. Предлагать наличие иных поселений, нас заставляет большая удаленность его от Эребуни. О наличии иных поселений на территории Еревана свидетельствуют многочисленные находки урартских изделий обнаруженные в различных пунктах города, достаточно удаленных друг от друга — на ул. Туманяна, в Чарбахе, Норагитне и т. д. По-видимому, территория Еревана, как и вся Араратская долина, была покрыта более густой сетью урартских поселений, чем представляется до настоящего времени. Об этом свидетельствуют обнаруженные урартский слой в Арташате, находка В. Аветианом урартского погребения близ села Ванаше, Араратского района. (Кстати, им же был обнаружен замечательный озорничий кувшин с венчиком, в виде ойнахои, в новом микрорайоне Тегусг г. Капана, что, вместе с сиванской надписью и крупной бронзовой фигуркой льва из горниского краеведческого музея, являются еще одним свидетельством пребывания иялициев в Зангеzure).

ГЛАВА II

КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

По своей форме и конструктивным особенностям изучаемый склеп Ереванской гробницы имеет сравнительно немного аналогов. Вместе с тем, его погребальный обряд и форма захоронения встречаются гораздо шире в погребениях Ванского царства с совершенно иной конструкцией погребений, что заставляет нас, хотя бы кратко, остановиться на погребальных обрядах Бняйяна.

К числу гробниц конструктивно близких нашему сооружению, относятся гробницы в Альти-тене, которые делится на две группы — многокамерные и однокамерные, отличающиеся друг от друга в основном размерами.

Так, гробница № I Альти-тене имеет три камеры. Через прирывающийся большим камнем дромос можно проникнуть в длинную камеру, а через дверные проемы, сооруженные в ее продольных стенах, в боковые камеры.

Внешние стены камеры сложены из грубых блоков, промежуточное пространство которых заполнено щебнем, в отличие от Ереванской гробницы, камни которой скреплены глиняным раствором, внутренняя облицовка стен сделана из известняковых камней квадратной формы. Имеется и другое отличие: ее ниши отделены друг от друга не блоками кладки, а узкими плитками. Гробница перекрыта большими панелями, образующими ложный свод. В боковых стенах средней камеры имеется по одной нише, образованной свободным пространством, оставленным в кладке. Ниши в боковых камерах пробиты с внутренней стороны стен¹³¹. Такая строительная техника и конструкция были использованы также в первой и второй гробнице Лича¹³².

Гробница II в Альти-тене, также имеет длинный дромос, который как снаружи, так и внутри заложен большими камнями. В боковых стенах дромоса расположены друг против друга две ниши. Сама погребальная камера облицована камненными блоками квадратной формы. В боковых стенах ее, путем оставления пустот в кладке, рас-

положено два ряда ниш, по три в каждом ряду. Такие же ниши расположены в торковой стене камеры. Ниши отделены друг от друга тонкими камненными панелями на камненых основаниях ниши имеются небольшие углубления для установления погребальных урн¹³³, которые встречаются и в погребениях Кавлдере¹³⁴ и Нор-Ареша¹³⁵. В облицованных ниш Альти-тене и Ереванской гробницы, кроме форм перегородок между нишами и наличия в них углублений, для установления сосудов, имеется еще одно отличие. Часть ниш Альти-тене заложена панелями с полукруглыми вырезом образующим своеобразный арочный проем¹³⁶.

Близкие по форме однокамерные склепы обнаружены в Личе и Гуши где кроме богатого археологического материала рассеянного по различным музеям мира, были обнаружены музифицированные скелеты быков¹³⁷. Аналогичные по форме склепы, перекрытые крупными панелями, в стенах которых оставлены ниши и сооружены входы через дромос, известны в окрестностях Ваиа, Патноца и Арик¹³⁸.

Рассмотрим некоторые из них. Одна из гробниц в Личе (близ Патноца) имеет стены сложенные в один ряд из крупных грубо обработанных блоков размером 0,60—1,00 м, за которыми произведена засыпка из более мелких камней на глиняном растворе. Гробница ориентирована с севера на юг, с отклонением к западу. Дромос сооружен в южной части (размеры 1,00×1,05×0,50 м), имеет форму неправильного прямоугольника с узким коридором у входа в камеру, перекрытую двумя крупными панелями. Глубина дромоса более 1,00 м. Камера имеет форму почти правильного прямоугольника (размеры 2,30×1,83 м). В камере имеются две ниши расположенные в восточной стене, на высоте 0,50—0,60 м от пола размерами 0,40×0,38×0,50 м¹³⁹.

Вторая гробница Лича имеет близкую конструкцией с первой. Ориентирована она с востока на запад, с отклонением к югу. Дромос сооружен на

востоке, стены его возведены из небольших камней на глиняном растворе. Длина дромоса 1,80 м, ширина 1,60 м, его внутреннее пространство было заложено небольшими камнями и землей. Вход в камеру имеет ширину 0,77 м, высоту 1,05 м. Вход был перекрыт двумя плитами. Стены камеры имеют толщину 0,70×0,80 м, иногда расширяясь до 1,60 м без казано-либо раствора. Лицевые стороны камней обтесаны. Камера имеет размеры 2,80×1,65 м, и перекрыта четырьмя плитами длиной 2,75 м, шириной 0,70×1,00 м. Толщина плит 0,30—0,40 м. Высота камеры 1,70 м¹⁰².

Одна из гробниц Патноца (близ Юкюри) имеет прямоугольный дромос, расположенный в северной части, с узким коридором ведущим в камеру, чем напоминает планировку дромоса Лича. Дверной проем имеет раму сложенную из чисто тесалых камней. Размеры проема 0,52×1,15 м, толщина рамы 0,15 м. Верхняя часть вады округлая. Перед входом сооружены две ступени размером 0,70×0,38 м.

Размеры камеры—длина 4,92 м, ширина 3,87 м, высота 1,50—2,00 м. Перекрытие сводчатое. Ниши расположены на 10 см ниже свода. Размеры ниш 0,53×0,57×0,30 м, верхняя часть ниш полуокруглая, что напоминает ниши Альты-тепе. По всему периметру камеры проходит мажста шириной 0,50 м, высотой 0,25 м¹⁰¹.

Известно еще одно близкое по планировочному замыслу погребение, неподалеку от Патноца, в местности Дедези¹⁰².

Одна из гробниц в Арикче (Алиадыжева), также имеет близкую форму, с выше рассматриваемыми. Она направлена с севера на юг, в сторону Ванского озера. В дромосе ведут лестницы вырубленные в скале, с размерами ступеней 0,18×0,12 м.

Дромос имеет размеры 0,72×0,60×0,53×0,83 м, с глубиной в юго-западной стороне 0,65 м. Вход прикрыт каменной плитой длиной 0,82 м, шириной 0,52 м и высотой 0,60 м, перед дверным проемом уложены две ступени, так как пол камеры ниже входа на 0,95 м. Пол, почти прямоугольной камеры, чистотесан. Восточная стена камеры имеет длину 2,38 м, западная—2,55 м, южная—1,50 м, северная—1,42 м. Ниши камеры, расположенная в восточной стене, имеет длину 1,15 м, ширину 0,37 м и высоту 0,70 м, перекрытие сводчатое¹⁰³.

Кроме указанных подземных склепов в Альты-тепе имеются и более простые погребения, вырытые в каменных грунтах, несколько напоминающие Игдырские и Нор-Арешские. Та же картина наблюдается в Личе, где из девяти, случайно обнаруженных в поздние доследованных погребений,

три напоминают однокамерные склепы Альты-тепе и Ереванской гробницы, а остальные вырыты в грунт. Кроме Альты-тепе и Лича, подобные погребения с захоронениями в урнах известны в Каледжике, а с труположениями в том же Личе, Каледжике и Гимиди¹⁰⁴.

Наряду с сооруженными скелетами в Урагури встречаются и другие формы погребений, высеченные в скалах пещеры часть из которых, в частности Ванские, могли быть царскими.

О назначении этих искусственных пещер, нет общего мнения. Б. Б. Пиотровский считает, что они могли быть различного назначения и, что среди них есть как помещения религиозно-культурного характера (храмы), так и погребальные.

К числу последних он относит комплексы пещер в Ванской скале, около «арсенала», открытые в 1896 г. А. Н. Казанкова. Судя по его описанию, приведенному Б. Б. Пиотровским, проем, с углублением для дверной оси по внутренней его части, вел в квадратное помещение площадью около 20 м² и высотой 2,55 м. На левой от входа стене этого помещения, невысоко от пола, находилась другая вход, ведущий в два смежных небольших помещения. Первое из них, прямоугольное в плане (длина 4,76 м, ширина 1,42 м, высота 0,95 м), в котором можно предвидать только согнувшись. Оно имело плоский потолок. Второе помещение имело куполообразный потолок. Это помещение примечательно тем, что на уровне пола соседнего помещения имелся проем для закрывания плиты, одновременно служащий комнате полом и перекинувшей подполье, из которого вел ход в небольшую камеру (ширина 1,07 м и высота 0,85 м), принятую исследователем за тайник.

Б. Б. Пиотровский, исходя из характера этих небольших помещений, считает возможным присоединить к мнению А. Н. Казанкова, который описанию им Ванскую искусственную пещеру относит к погребальным. Саркофаг в ней, по-видимому, находился в подполье, в то время как в большой пещере Ичяда и Нафтуку саркофаги могли устанавливаться прямо в камере, на возвышенности¹⁰⁵.

Имеет сходство с вышеописанными погребениями гробница на правом берегу Аракса, напротив «посты Алашар». Она состояла из двух помещений, высеченных в скале. Передняя небольшая комната имела потолок в виде корыткового свода, а погребальная камера—плоский потолок с прямоугольными нишами в стене. В этой гробнице было найдено несколько урартских бронзовых изделий, которые в 1859 г. поступили в Эрмитаж. По мнению Б. Б. Пиотровского, пещерные помещения Вана

имеют много самобытных черт, связанных с былинской наземной архитектурой, которые помогают в некоторой степени реконструировать их. Так полочки пещерных залов воспроизводят потоки урартских построек—плоское перекрытие с бревенчатым накатом или же корытковые кирпичные своды¹⁰⁶.

Интересна конструкция гробницы, расположенной на южном склоне отнесной скалы в 11-ти км восточнее Маназкерт. Проходя по труднодоступному склону через дромос со сводчатым потолком можно попасть в главную камеру. Дромос отделен от камеры дверным проемом прямоугольной формы (размеры 1,42×1,10 м). Дверной порог на 0,47 м выше пола дромоса. За порогом размещена ступенька длиной 0,60 м, шириной 0,35 м и высотой 0,10 м.

Главная камера представляет собой неравномерный четырехугольник, южная и северная стены которого, соответственно, имеют длину 3,59—3,15 м, а восточная и западная—6,03 и 5,75 м. Высота плоского потолка камеры колеблется между 2,10—2,30 м, а под потолком высечен карниз в виде балясных окончаний. Вход в боковую камеру, имеющую меньшие размеры (1,63×0,85), пробит через стену толщиной 0,60—0,65 м. На северной стороне боковой камеры имеется ниша шириной 1,55 и глубиной 1,00 м, напоминающая ниши Ереванской гробницы. Вторая ниша, в этой же камере (размеры 0,84×0,84 и глубина 0,72 м), расположена у западного угла¹⁰⁷.

Не менее интересна, вырубленная в скале гробница близ Каледжике, расположенная западнее дромоса Муш-Эраум. Она, как и вышеописанные гробницы, имеет дромос, через который можно проникнуть к запертой крупным камнем двери проема. Основная камера представляет собой вырубленное в скале просторное помещение с почти плоским сводом. По обе стороны от нее расположены камеры, меньших размеров, с такими же плоскими потолками. На стенах имеются ниши с округлыми углублениями в основании, подобные ниши Альты-тепе. На задней стене третьей камеры имеется скамьеобразный выступ, на котором был установлен саркофаг¹⁰⁸.

Сближаются с ними подземные, высеченные в скалах помещения Айкберда (Чауш-тепе), расположенные под дворцом, которые по мнению Баки Огюна являются погребальными сооружениями, хотя их исследователь А. Эрзен предполагает, что они могли служить и вистернами¹⁰⁹.

К этой группе сооружений относится и высеченная в скале трехкамерная гробница в Саигаре

(Иран)¹¹⁰, в которой также имеются ниши различных размеров.

Имеется сведения и о других пещерных гробницах, которые, к сожалению, были разграблены, но тем не менее, они дают определенное представление об особенностях захоронений в подобных сооружениях широко распространенных на Армянском нагорье, в связи с появлением и созданием опорных пунктов былинцев. К числу их относятся пещеры Тейшебани и Аргистихкинда. «При обследовании крупных пещер напротив штанден Тейшебани были обнаружены фрагменты высококачественной былинской керамики и следы сожжения—достоверного свидетельства урартского погребального обряда и доказательством наличия поля не обнаруженного могильника. Подобные пещеры известны и в Аргистихкинда и они свидетельствуют о наличии гробниц представителей провинциальной знати, которые были ограблены в древности и уже никогда не будут обнаружены их следы»¹¹.

Гробницы, высеченные в скалах недалеко от Тушиша, свидетельствуют о их принадлежности к былинским царям и знати. Такие же склепы встречаются в Каледжике, Айкберде, Маназкерт, Саигаре и других памятниках. В тех же местностях, где не было необходимых естественных условий, они возводились посредством сооружения крупных склепов, где за их наружными стенами складывались кучи крупных камней, имитирующие скальные гробницы.

Этой традиции, видимо, следовали и представители местной знати, которые для захоронения своих вождей создавали сравнительно небольшие искусственные гробницы типа найденных в Личе, Гуши, Патноце, Ване, Арикче, Алашаре и других местах.

По своей конструкции Ереванская гробница повторяет формы искусственно сооруженных однокамерных подземных склепов типа Альты-тепе и является уникальным сооружением Ванской эпохи в Араратской долине. Имея те же конструктивные формы с небольшими вышеуказанными отличиями, погребения в Альты-тепе и Ереванской гробницы несколько отличаются друг от друга и по образу захоронения. Как известно, в Альты-тепе совершалось два погребальных обряда—труположение в саркофаге и кремация с засыпкой праха в урны. Что же касается Ереванской гробницы, то по количеству ниш и найденных урн, очевидно, что здесь был погребен не один человек. Вместе с тем содержание этих урн показывает, что захоронение производилось с некоторыми различиями в обряде. В одной урне были обнаружены кремированный прах

покойника, в другой — мелко раздробленные кости скелета, среди которых удалось идентифицировать кости ключицы и плечевой.

Кремация, как известно, была широко распространена в Ванском царстве. Самые ранние находки подобных захоронений были обнаружены в Игдире, где в 13 пунктах из 14-ти, труп был кремирован и лишь одно погребение, содержит костные остатки не тронутые огнем. Хотя погребения Игдырского могильника помещались в расщелинах скал, они заботливо присыпались слоем песка и прикрывались большими глыбами камней, то есть являлись грунтовыми погребальными ямами¹⁰⁵.

Значительная часть погребальных урн Игдырского могильника близка по форме урнам Ереванской гробницы, однако они имели одно просверленное отверстие. Здесь наряду с красноокрашенными сосудами встречались и темно-серые горшки, свидетельствующие о том, что захоронения производились иногда в обычной, кухонной посуде.

Из описания форм захоронений Игдырского могильника видно, что в Ванском царстве существовала и третья форма захоронений — труположение, которая встречается и в других местах.

Кроме Игдыра, обряд кремации хорошо известен по целому ряду других памятников. К их числу относится захоронение, обнаруженное в Ереване. Здесь, во время земляных работ, к западу от штабеля Эребуни в квартале Нор-Арев, были обнаружены следы бийнаиского колумбария, состоящего из трех погребений, с исключительно ценным инвентарем, состоящим из богатого орнаментированных сосудов, улит, различных украшений и керамики¹⁰⁶. Наблюдения, сделанные при исследовании и расчистке сильно потревоженных погребений привели А. А. Мартиросяна к мысли, что эти погребения принадлежали Игдырские. Так, первое погребение содержало два сосуда, обожженных медными камнями. В одном из них, крупном черном горшке, оказалось большое количество первоклассных бронзовых изделий. От второго погребения сохранились фрагменты красноокрашенного погребальной урны и лежащие рядом бронзовые изделия. Здесь же была найдена плита рыховатого туфа, перекрывающая некогда погребальную урну.

Третье, почти до основания снесенное погребение, имело весьма интересную деталь: лежащую на полу маленькую плиту с углублением в центральной части, в которой сохранилось донышко небольшой красноокрашенной урны. Плита была обложена небольшими камнями, частично об-

мазанных глинами. А. А. Мартиросян считает, что описанные погребения не имеют ничего общего с обычными «каменными ящиками», принадлежащими коренному населению края. Они различаются не только по конструктивным данным и инвентарю, но и обряду захоронения, в то же время вполне соответствуют погребениям Игдырского могильника, с той лишь разницей, что последние были устроены в расщелинах скал и естественных углублениях почвы, а первые были врыты в землю, хотя для обоих могильников характерен обряд захоронения, кремации¹⁰⁷.

Однако это утверждение не совсем точно. По-видимому ирарешские погребения являлись обычными грунтовыми захоронениями, также характерные для Армении и Закавказья. Но нужно отметить, что здесь обряд захоронения дополняется наличием двух особенностей — обкладки из мелких камней и туфовой плитой с углублением в центре. Первое, как отмечалось выше, очевидно, имитирует идею скал, а наличие туфовой плиты с углублением, видимо, повторяет функцию углублений в основании ниш, зафиксированных также в Алашаре, Гуми, Личе, Патноне, Игдыре, Арце, Ахтиште, в пещерах Ванской скалы и скального скелета в Сангаре.

Вместе с кремацией праха покойников, в ряде вышеперечисленных памятниках, обнаружены и труположения.

Бийнаиские погребения, с обрядом труположения, хорошо известны из Арце, Лича, Ошакана, Игдыра, Еревана и т. д.

Раскопки Ошаканского могильника выявили погребения трех типов. Первое из них (№ 3), имеющее прямоугольную форму, было врыто в скальный грунт и инвентарно земляным полом. Погребение (№ 4) представляет собой небольшой каменный ящик, частично перекрытый стеной более позднего дворцового сооружения, что свидетельствует о принадлежности погребенных, к низшим слоям общества.

Наиболее интересны два других погребения, представляющие собой скелеты (№ 59) размерами — $3,40 \times 3,10$ м и глубиной 1,45 м, и погребение (№ 62) размерами $4,50 \times 3,50$ и глубиной 1,70 м. Стены выложены из крупных, вертикально поставленных плит. Ова скелета были перекрыты трехступенчатым сводом, а сверху покрыты немской курганной насылью и обжжены кремальным кругом диаметром 8,20 и 8,50 м.

Оба кургана, по своей конструкции, мало чем отличаются от других курганов Ошаканского могильника, как и от других курганов эпохи поздней

бронзы и железа Армении¹⁰⁸, в то же время, они по своим конструктивным особенностям резко отличаются от всех вышеописанных бийнаиских погребений. Эти конструктивные отличия, а также находки изделий «местной культуры», позволяют предполагать, что Ошаканские курганы принадлежали представителям местной знати, которые широко использовали и бийнаиские изделия.

Говоря о конструкциях погребений с труположением необходимо отметить, что основная их масса, особенно погребения с одиночными захоронениями, имеют, весьма, различные особенности. Погребение с труположением в Игдыре по своей форме не отличалось от урновых, и покойница с ризомом лежала в расщелине скалы и была присыпана землей. Одно из погребений в Личе было грунтовым. Покойник, лежащий в яме, был окружен шебенкой и прикрыт слоем песка. В двух других погребениях Лича покойники были уложены в обычные грунтовые ямы и прикрыты слоем земли¹⁰⁹.

По-видимому, грунтовыми было и случайно обнаруженное погребение на ул. Московской (име Сарьяна) в Ереване, где было обнаружено три скелета. Найденный здесь керамический инвентарь состоит из основного из бийнаиских и «местных» сосудов. Труположение производилось также в саркофагах.

Подобные саркофаги с труположением обнаружены в Зивие, Ахтиште и, по-видимому, в Ване и Кавалдере.

Саркофаги из Ахтиште — каменные, в виде продолговатых ящиков, перекрытые полукруглыми полыми крышками¹¹⁰.

Уникальной находкой является бронзовый саркофаг, в виде ванны, найденный в Зивие¹¹¹.

Большой интерес представляет погребение (№ 25) Ошаканского могильника. Камера его (размеры $3,10 \times 1,90$ м, глубина 1,45 м) выстроена из крупных блоков туфа правильной формы, что напоминает кладку гробниц Еревана и Ахтиште. Сверху она была перекрыта тремя поперечно уложенными плитами над которыми имелась немскокап земляная насыль.

В склепе обнаружено 27 скелетов, очень плохой сохранности, найденных в сидячем положении, вплотную друг к другу. Хотя скелеты сильно истлели, анатомический порядок костей не был нарушен, черепные кости находились непосредственно над костями таза и ног. Рядом с каждым скелетом или под ним лежали обломки специально разбитого одного глиняного саркофага, что должно было имитировать захоронение в гробах. После

восстановления, произведенного реставратором Гос. музея истории Армении В. Оганесом, оказалось, что саркофаг имеет форму подтреугольной ванны с округлыми бортами, украшенными крупным рельефным поясом¹¹².

Интересные формы погребений и обряды захоронений были выявлены в Аргитшихини.

А. А. Мартиросян, производивший раскопки, указывает, что урартские погребения, открытые здесь, не имеют наземных следов, вследствие чего они открыты случайно, при проведении земляных работ. Здесь встречается каменные ящики трех типов: выложенные из грубых камней, грубо отесанных плит и сложенные из кирпича.

Особый интерес для изучения бийнаиского погребального обряда представляет, найденный в 1973 г. в Аргитшихини, каменный саркофаг, помещенный в грунтовую яму и ориентированный с севера на юг с отклонением к востоку на 45° , прикрытый тремя каменными плитами. Саркофаг изготовлен из местного коренного туфа. Его длина 1,52, ширина в одном конце 0,75, в другом — 1,00 м, высота, соответственно, 0,55 и 0,65 м. На днище саркофага, под одной из поперечных стен, имеется сквозное отверстие диаметром 3—4 см.

В саркофаге были обнаружены четыре урны, прикрытые мшиками. На плечиках двух урн имеются по три сквозных отверстия, а на двух сосудах — клейма, в виде восьмилестниковой розетки и птицы. Внутри этих урн были обнаружены раздробленные человеческие кости и различные украшения, датированные VIII в. до н. э.¹¹³

Кроме указанных форм захоронений, в Ванском царстве засвидетельствована еще одна форма погребения, с труположением в кушинах или карасах. Бийнаиские захоронения подобной формы, являются самыми древними и, вероятно, служили прототипом широко распространенных раннеармянских (ахеменидских) и античных захоронений Армении и Закавказья.

Подобная форма захоронения впервые была засвидетельствована в Аргитшихини, где на правой обочине амаисийской дороги в 150—200 м к северозападу от холма См. Давида, в маленьком каресе случайно было обнаружено летское погребение VIII в. до н. э. При исследовании местности было найдено еще два захоронения в урнах, в одной — пепел кремированного, а в другой — кости годовалого ребенка. Точно такое же погребение было обнаружено и на юго-западной окраине села Нор-Армавира.

На раскопках в 150—200 м от описанных погребений, было найдено еще два. Одно из них

произведено в крупном каресе, со жгутвидным орнаментом на плечках (высота 1,50, ширина 0,70 м). В каресе сохранились скелеты взрослого и несовершеннолетнего, по-видимому, матери и ребенка, лежащих «в обнимку». Второе погребение, раскрытое случайно при строительных работах, было совершенно в вертикально стоящем кубине средних размеров, горловина которого была прикрыта глиняной чашей. Внутри кубины было обнаружено кости скелета¹⁷¹.

Эта форма труположения была дополнена интересной находкой 1986 г. в Аргитихтиниле, где к северо-западу от дитанаей, на приусадебном участке одного из жителей села, при земляных работах был обнаружен крупный карес. Внутри него были найдены четыре скелета и сопроводительный инвентарь, состоящий из бронзового орнаментированного пояса, гадящих и эмалеговых серебряных браслетов, золотой серьги, различных бус, цилиндрической и гиревидной печати, скифских наконечников стрел и различных керамических сосудов, датруемых концом VII в. до н. э.¹⁷²

Рассмотренные погребения с бийскими инвентарем дают определенные сведения как о формах и конструктивных особенностях погребений, так и об обряде захоронения, в Ванском царстве.

Наиболее характерные погребения для знати — наместников, крупных военачальников и т. д., часть которых, без сомнения, когда происходила из представителей царской семьи, как правило, сооружались в искусственно вырубленных пещерах. Для этих сооружений, иногда, использовались и естественные пещеры, которые, очевидно, закладывались и стены.

Вырубленные в них камеры, как правило, имели форму жилых построек, причем в них иногда сооружались скамьи-мастбы, уже хорошо известные по находкам в гражданских погребениях Аргитихтиниле, Ошакана и Доври. В стенах этих пещерных камер вырубались ниши, которые также характерны для бийской гражданской архитектуры. Они, как показали раскопки гробниц, служили местом закладывания погребальных урн.

На близость форм гражданской и культовой архитектуры, указывают высеченные в скалах карнизы, которые урывают ряд пещер Вана, Сангара, Алышара и т. д. Эти карнизы обработаны в виде окончания выступающих балок, расположенных на высоте дверных перемычек, имитируя плоскую балочную форму перекрытия гражданских сооружений. В ряде гробниц имеются сводчатые перекрытия, что также известно из бийской архитектуры. Подобные перекрытия известны по рас-

копкам Кармир-блара, где были зафиксированы следы кирпичного свода, размеры же многих помещений Ошакана, четко указывают, что их перекрытия имели форму «азарашена». Почти во всех пещерных сооружениях сохранились следы своеобразных петель в виде сквозных отверстий в дверной раме, для закрепления каменных дверей.

В тех местах, где не было естественных пещер, или соответствующих скал для сооружения искусственных, бийскими соорудили гробницы-скалы, внутренняя сторона казды этих скалов имела чистотенную поверхность, а за внешней стороной производилась навал камней, имитирующих скалы, которые четко видны в конструкциях гробниц Альты-тепе, Ерепана, Лича и т. д.

Полобное явление, видимо, было характерно и для погребений средних слоев общества. Здесь урны с довольно богатым сопроводительным материалом, в отличие от пещер и специально сооруженных скалов, укладывались в расщелины скал. Эта форма хорошо известна по захоронениям в Игдире и Личе. В тех же местностях, где не было этих возможностей, захоронения производились в грунтовой яме, но урны обкладывались мелкими камнями (Нор-Арэм). Кстати этот обычай бытовал и в античный период в Армении.

Такое подчеркивание скал не было случайным явлением, зафиксированным лишь при строительстве указанных погребений. Бийяинцам, жившим среди скалистых гор, постоянно приходилось врубаться в скалы для проведения дорог, каналов, сооружать искусственные пещеры, культовые площадки, лестницы и т. д.¹⁷³ Предполагаемая нами гипотеза о том, что каменные запалы вокруг погребений имитируют скалы, в конечном итоге приводят к идее почитания гор, и, к представлению бийяинцев о том, что в подземном царстве, можно было «пройти» через расщелины или «зверья» в скалах. Интересные сведения об этом дают многочисленные вырубленные в скалах ниши—«ворота», посвященные разным божествам царства. По верованиям населения Бийяинд, через эти «ворота» выходило божество находившееся в скале. Выход бога из горы, как отмечает Б. Б. Петровский, обычное представление в древних религиях Передней Азии, на что указывают многочисленные зикураты храмов Южной Месопотамии и храмов Малой Азии, в которых устроены ниши, с вездущим к ним лестницами¹⁷⁴. Подобные верования существовали и в Армении: солярное божество Мгер, которого уже не может носить на себе земля, входит в Ванскую скаду через «Мгери дур» («ворота бога Хаа-

ди») и с его возвращением люди связывают идею всеобщего благополучия.

Определенные различия наблюдаются не только в формах погребальных сооружений, но и в обрядах захоронений. Наиболее распространенной формой является «урвовое» захоронение, встречаемое почти повсеместно в вышеописанных памятниках. При этом обряде захоронение производилось либо после кремации или же расчленения. Кремация совершалась вне погребения и, может быть, сопровождалась пышными церемониями. Если в лесных районах Армянского нагорья этот процесс не представлял затруднений, то в безлесных он был связан с определенными трудностями. В связи с этим, на основании материалов Игдирского могильника, Б. А. Куфтин сделал интересное заключение о том, что сжигание покойника, требующее большого количества топлива, при отсутствии древесины, осуществлялось князком¹⁷⁵.

Дробление костей скелетов, как и кремация производилась не в погребениях и мелкие кости наваливались в урны. Подобный обряд зафиксирован пока что, в двух погребениях—Ереванской гробнице и в Аргитихтиниле (погребение в саркофаге).

Следующий обряд—труположение (одиночное и групповое). Эта форма захоронения производилась и памятниках не одинаково так проследяются несколько различных форм.

Первое—эта труположение, зафиксированное в погребениях средних и низших слоев бийяинского общества, когда покойника укладывали в обычную грунтовую яму, каменный ящик или же в расщелину скалы, что видно по погребениям Лича, Ошакана, Игдир, Патноца и т. д.

Вторая форма—труположение в кубинах или крупных каресах, которые также производились указанными социальными прослойками, так как и здесь сопроводительный инвентарь сильно дифференцирован. Примером может служить захоронение в Аргитихтиниле. Последней, третьей формой труположения, являются одиночные захоронения в саркофагах (Ван, Альты-тепе, Зявие).

Ошаканское групповое захоронение (27 человек) с одним разбитым саркофагом на части, является следствием не характерного захоронения, а групповым захоронением погибших в сражении воинов, погребенных в одной общей могиле.

Оба последних вида, бийяинских захоронений, труположения в карасах и саркофагах, являются наиболее древними в Армении и Закавказье, впоследствии получившие широкое распространение в указанных регионах.

Анализ конструктивных особенностей и форм

захоронений показывает, что бийяинцы уделяли исключительное внимание погребальному обряду. Сам факт захоронения умершего, часто в научной литературе воспринимается как свидетельство существования в данном обществе представлений о бессмертии души и загробном мире. Подобные представления естественно существовали и в Ванском царстве, зафиксированные также в письменных источниках религиозного характера. Эти данные представляют возможность реконструировать, в общих чертах, представления бийяинцев о смерти и загробной жизни.

Впервые в урартоведении к этому вопросу обратились Г. А. Капанян, отмечая, что в надписи «Мгери-дур», упоминается рядом имена божеств—Адарта, Ирмушину и «бог, который души переводит»¹⁷⁶, символизирующий соответственно—рождение, болезнь, загробный мир. Бога Адарта от характеризовал как покровителя рождения и потомств, за считая, что Адарта состоит из имени Ada-и частицы женского рода—Ina. По его мнению, имя этого божества сопоставляется с сиро-арамейским Атар, покровительницей плодородия, рождения и врачевания. Теонам Ирмушину, Г. А. Капанян этимологизировал хеттским словом itna «болезнь», приписывая этому божеству функцию исцелителя¹⁷⁷.

Куалт «бога, который души переводит» само собой свидетельствует о существовании мифов о душе и потустороннем мире, о границе между земным и загробным миром, которую душа не в состоянии преодолеть без проводника. На границе души человека встречается с богом Шебиту, который как его тезка в Шумере, Сабиту-Сидур¹⁷⁸ охранял эту границу.

Представления о потустороннем мире в Ванском царстве, связывались с водой—океаном или морем, предметным воплощением которых было озеро Ван¹⁷⁹. Богом символизирующим загробный мир, был бог солнца Шивини, который также назывался ENGUR Šuinaine DINGIR—«бог моря»¹⁸⁰. Как свидетельствуют известные из окрестностей озера Ван—армянские, генетически связанные с урартскими предания, жизнь в потустороннем мире во многом была тождественна с земной (представлялось как ее зеркальное отражение).

Владыкой загробного мира является бог Хутуни (теоним этот восходит к хурритскому слову Hite—«писать», сравни с культом армянского бога подземного царства Грох—«пишущий»)—незверное божество урартского пантеона, владыка судьбы Ванского царства¹⁸¹.

В состав Ванского царства входили и многие

племени и народы, отделившиеся как по этническому происхождению, так и по уровню социального и культурного развития; следовательно, представление о загнившей жизни, соответственно, и погребальный обряд этих племен и народов должны были быть различными.

Бнайское государство для укрепления единства и хозяйственно-политического могущества страны с конца IX в. до н. э. предприняло ряд реформ, затронувших хозяйственные, политические, военные и религиозные сферы общественной жизни. Начиная с конца IX в. до н. э. государство оказывало решающее воздействие на этногеографическую структуру страны, переселя население из различных областей в другие, способствуя развитию организации новых государственных хозяйств, укрепление приграничных районов (переселения, оказавшиеся в чуждой среде, были заинтересованы в прочности царской власти) и созданию различных этнических групп. По неполным данным, Аргишти I переселил 280000, а Сардури II — 197000 человек¹⁸².

Это обстоятельство, в совокупности с естественной миграцией, в конечном итоге привело к расселению арменовзых племен по всей стране и ускорило процесс арменизации населения Армянского нагорья. В свою очередь, эта политика оказывала сильное воздействие на культуру царства вообщее и в частности на погребальный обряд.

В настоящей работе мы считаем целесообразным употреблять термин «бнайская культура», как культуру центральной части того государства, которое ассирийцы называли Урарту. Это государственное объединение включало в себя не только носителей хурри-урартских языков — бнайиццев, но и иных племен говоривших на индоевропейско-хеттском, лувийском, иранском и особенно широко распространенном протоармянском языке, носители которого по-видимому являлись основным населением страны.

В разных районах этого большого государства, можно встретить предметы, привнесенные из его центральной части — бнайицы. Возможно представляли администрации, в присоединенных к бнайицким областям, назначались из центра.

Вместе с тем возникает необходимость более точного определения термина «местная культура». Материалы из памятников на территории Республики Армения четко показывают различия как между привозными материалами, принадлежащими к бнайской и другим древневосточным культурам, так и изделиями местных народов: в культуре которых выделяются различные локальные вари-

анты. То же явление прослеживается по материалам из раскопок Г. Гауптмана в Норшун-тепе, свидетельствующее о том, что отдельные регионы имели характерную им культуру.

В отличие от археологического изучения памятников на территории Республики Армения мы к сожалению, не имеем точного представления «местных» памятниках Западной Армении, ввиду малой информативности, и из-за малочисленности раскопок синхронных, но не бнайских памятников. Тем не менее, наличие фригийской керамики в привифратской местности и в Норшун-тепе и находки значительного количества хурритских изделий из районов, прилегающих к южным границам Армянского нагорья, дают возможность предположить о наличии «местных» археологических культур и их локальных вариантов в отдельных регионах Армянского нагорья.

Вместе с тем, по материалам памятников на территории Республики Армения наблюдается, что начиная с IX—VIII и особенно с VII вв. до н. э. распространяется влияние бнайской культуры на «местную». Это явление отражено на предметах вооружения — появляются некоторые новые формы мечей, кинжалов, копий и наконечников стрел, а также в некоторых видах керамики, или ее элементах (новые формы ручек, венчика — ойнаков). Подобное явление наблюдается и в духовной культуре. Как известно, в урартских пантеоне, народа с хурритским, включены божества, имена и культы которых имеют индоевропейское (в основном армянское) происхождение¹⁸³.

Все вышесказанное позволяет предположить, что в Ванском царстве происходила процесс консолидации всех местных племен: бнайских, хурритских, индоевропейских (в основном протоармянских).

Ярким свидетельством этого процесса является наличие монет бнайских и хурритских слуг, терминов и фонетических особенностей как в глаголах, так и в отдельных диалектах армянского языка¹⁸⁴. С одной стороны, и сравнительно долгое бытование и развитие бнайской культуры на культуру Армении (после падения Ванского царства) последующих эпох, с другой¹⁸⁵. Столь долгое влияние на культуру Армении объясняется не только культурной традицией бнайиццев, но и тем, что они вошли в состав образованного армянского государства. На протяжении долгого времени бнайицы сливались с армянами и став одним из компонентов окончательно оформившего армянского народа, значительно обогатили его язык, материальную и духовную культуру.

ԵՐԵՎԱՆԻ ԲՈՒՆՆԱԿԱՆ ԳԱՐԲԱՐԱԿ

Ա Մ Փ Ո Ւ Մ

1084 թվականին, երևանի Արշակունյաց պալատի մոտ, «Ավետարեղեան» գերեզմանի սարքում, շինարարների աշխատանքների ժամանակ բացվեցին հիմքեր, որն ամբողջական պեղվեց ՀՀ ԳԱ հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտի հնագիտական շտաբի կողմից: Պարզվեց, որ դամբարանը բնաշինակն է և կառուցված է եղել մի մեծ ու մեծ գերեզմանատանը: Այստեղ, բացի քրեմարմելով դամբարանից, բացվեց նաև մեկ զույգ բրոնզեդարան, պլանը կոշավ, քարաքղայակ քարոտ, որից մի փոքր հեռու պեղվեց միջին բրոնզեդարան մեկ այլ գերեզման: Բացի այդ, վերոնիշյալ դամբարաններից հարյուր ասքան զանգված է, ք. ս. 1 հուպարանային սկզբներով բնագործով կեղևներ:

Պեղված ինքնակամ դամբարանը 3,45 մ երկարությամբ, 1,97 մ լայնությամբ և 2,15 մ քարտեղծությամբ (ներքին չափերով) ուղղանկյունաձև կառույց է. հյուսիս-արևալ կողմերում ունի 10° շեղում դեպի արևմուտք:

Դամբարանային հատակը շարժված է լավ առավել, սև, կարմիր, մուգ շագանակադեղն տափե սպիտակ, որոնց սակ համարված են գույտմարանները: Հինգ շարք քարերով դարձեց կառուցված էր առկին արհեստաշ քարեկո: Դամբարանի հինգ որմնախորշերից երեք կառուցված են արևմտյան պատի մեջ, հասակից բարձր 0,44 մ (0,50 մ × 0,50 մ չափերով): Կողմնակամ որմնախորշ կառուցված է հարավային պատի մեջ: Արևելյան որմնախորշի ավելի մեծ է հասակը գնացված է 0,44 մ: Որմնախորշի վերին մասը կազմված է տափե մեկ հիմնաքան, որի քի ժամ է կրոմ դամբարանային ձանկի սպերի ձաքրոսյան մի մասը: Որմնախորշի երկարությամբ 2,06 մ է, քարտեղծությամբ 1,22 մ է, կողմերում 1,01 մ:

Դամբարանի պատերի շարժանի անհավերքին հինգերորդ շարքը մի փոքր սակ է կան (0,18-0,15 մ × չափով) իսկ գրեթե ամբողջ պարսպինը ընդգրկող իրիկ մեղով, իսկ զրոս (զամբարանի հյուսիսային կողմում) հասած էր հինգ մեկ տափե մեկ հիմնաքան (քարք) 0,57-0,64 մ, լայն. 0,45 մ), զանգված դամբարան լայնքով՝ արևմուտքից արևելք: Միայն արևելյան կողմում ձանկի քարեկո, ինչպես սպից, հասած են

որմնախորշի մաս կազմող հիմնաքան վրա: Որմնախորշն ունի առանձին ձանկի կազմված երկու սյու, միմյանմասրե հիմնաքաներից, գլխավոր դամբարանի երկայնքով հյուսիսային հարավ: Դամբարանի հարավային կողմի ձանկի շրջա սպերը մի կողմից ամբողջ կոշավ էր հիմնակամ ձանկի սպերից, մյուս կողմից հիմնակամ են քի-փի ու հյուսիսային պատի շարժանքերից:

Դամբարանային մուտքը (քարք) 1,20 մ է, լայն. 0,75 մ է. խոր. 0,54 մ), որը գտնվում է կառույցի հյուսիսային կողմում, որից ամբողջ փակված է մեծ տուֆե սալ: Կարծր: Գնայի մուտք ամբողջ մասը գարսարկով շարժված միջանցքի (դրոմոսի) շափերի և հորինվածքով հնագործող չէ որմն, քանի որ այն բնական է այն գրեթե գործարանի արտադրանքի շեղման պատի:

Դամբարանում գտնվեց հարյուս հյուսի, Արևմտյան պատի երեք որմնախորշերում դրված էին մեկական անդամատուփով լցված մուտքը, կեղևների և քրեյանների ժամանակակից ստեղծված, արևելյան մեծ որմնախորշում՝ ընդ գլխի շարժանքներով գարսարկով մի մեծ կառույցում, ինչպես նաև մի քան, որ հատուկ են պատվանքները և հարավային պատի կողմից կենտրոնից: Դամբարանի մյուս կեղևները հյուսիս կողմից նաև հարավային ծորակով սպերից է, մեկ այլ սպեր, ճրակ, մի քանի մեծ ու փոքր սպերի՝ գրեհվելից դամբարանի հյուսիսարևելյան անկյունում:

Երեք զուգահեռակամներից առաջինը հայտնաբերվեց դամբարանային արևմտյան պատի մոտ գտնվող հասակի կապարանի սակ: Այստեղ պեղված էին բրոնզե կապարանի բեկերներ, սուր, պարսե հուպարաներ, գիշերաքարերից պարսպակամ կառույցում, գրեհվելի և կառույցում պատկերներով հարավային մի կեր: Երկրորդ զուգահեռանը հայտնաբերվեց դամբարանի արևելյան պատի հատուկ սպերի սակ, սպերային զանգվածից մասին մի քանի օձադեղն ապարտեմներ: Երրորդ կառույցը էր արևելյան, մեծ որմնախորշի հատակի սակ, որտեղ քարեկոմ էին երկու սարքեր գտնվելի ու ձևաքարեր ճրակ, օձադեղն ապարտեմներ, երկար սուր, զանգ, դաշույններ, բրոնզե գանձեր, մեկ դրոկ և այլ կեր:

Դամբարանում գտնվեց քարտեղծով զուգահեռակամ

կան խնցրակներ, իր ներքով և հարցարաններով, բաժանվում է երկու խմբի. առաջինում ընդգրկվում են մինչ լայնահասակ, կրթավան, թի՛ք ձգված իրանով անվաճ աստիճաններ, որոնք ունեն համաստապար շարքի գվիկ և շեշտակիրեն դեպի դուրս կրթացող բարձր և այն հասակը: Այս անտերևի իրանները վազիկն ածախված են և ուտոցի գտաղով: Աստիճանից երկի ուսերն գալիկունգով են եռանկունգան հրապարակներ երեք, իսկ մյուս երկուս զրա՛ քր-կապակն անարկը: Դանակ մյուս խմբի տարբեր անյունատարիներ գտաղով են ինչպես Հայաստանը Համաբախտարանը անտարձից, այնպես էլ Արեւմտյան Հայաստանի հուշարաններին:

Պարտաբան որպես անդամատար անտարար օգտագորչում էին կենդանային, գամնակ մեկ ունեցող ինչանոթները՝ անկան, միակնայ կամ երկ-կանը աստիճանը (Երևան, Չոբան (Արիք թեկե), Դոպի, Չոբան), կունգան (Նոր Արեշ), կարսանը (Արշալիքիթիթի, Չոբան): Ուշագրավ է, որ կանգ օգտ-նորենքի քայի, Չոբանը գամնարանները մեկու գամնի են հաս թրոգն անդամատարներ:

Գամնարանում հայտնաբերված գեղարվեստական ինչանոթների երկրորդ խումբը կազմում են երկու կենդանակերպ արձանիկներով հարցարան, բարձր քրակով պարտաբան կամատիճաններ, մեկը մեկ, լայն թիւնով, կրթավան լիակով, անկանը, առաջին խմբի աստիճանի նման զգիւկով և շեշտված շրջով է, որի մակերեսը հարցարանով է երկը գտարանով: Աստիճանի ուսերն անկանակներով արձանիկն ինչանոթն է Կարճիք բլուրից հայտնի բարձր տառի վրայ տարածի թանգուկը: Այստեղ այս արձանիկը ծրարի նշանակությունը է ունեցել և խո-ղովակն անցնումով միացած է անորի հասակին գամնակով քրակունգ, իր վրա չորս անոթի կրող թե՛ք-թիկի նման: Տեղական արտադրանքում նման անտերևն են գամնակ Սան Սանա լիակ անկանով, Արքայունգ:

Երկրորդ անոթը մեկ, անկանը աստիճ. է կրթավան, ուտոցի իրանով և ուսը ընդգծված գվիկով: Ունի լայն, դեպի ներս ճկված և հորիզոնական դիր-թով որակն շարք, որի անտուջ պարագիկը գարարված է առվակունգով: Ինքնակամ, անորի անտուջ պարագիկն ընդգրկող երկու զույգ գեղերով է գարարված և ճրա ստապան: Աստիճանի պատկեր, իրարից հաճվա-բար հեռավորությամբ, արտաքված են վարդաթանկի թանգուկով ցի՛ գիկ երեք արձանիկներ: Չնայած կամ հարցարանով աստիճան անտերևը տարածված էին Վանի թագավորությունում. գամնակ է Կարճիք բլուրի անտերևի և թնկավայրի տարածքից, Գիթինի, Բաղ-ճոբի: Կապակն չկա, որ դրանք ընդործանված են Վանի թագավորություն մեկ հայտնի համապատաս-խակ թրոգն անտերևից:

Ինչպիսիք մյուս մեկ խումբը կազմում են համե-մատարար հասարակ կամատիճանները՝ կրթավան, թի՛

ձգված, լայն և բարձր գվիկով աստիճ, երկու մեծ (նե-կի հասակին կա հասարակակի պատկերով մի ուշ-գված) բարձր և կրթացող կողովով, կրթված շրջով և երկու միջերթով ծիրանաբան: Վերջինս նմանակ հայտնի է Էրեբունիցի և թվագրվում է մ. թ. ա. VIII դարով:

Գամնարանում հայտնաբերված իրերի թվում մեկ խումբ են կազմում գեղերեք, որոնք մեկ ստանձնում են 0,90 մ երկարությամբ ունեցող երկակն ստղը: Գամնակ է մեկ երեք, այսպես երկված, ստապուկը ստիպակն ստիպի դաշտայիններ: որոնք ի հայտ գալով Հայկական լեռնաշխարհում միջին թրոգնի դարում, հարստանում են մինչև մ. թ. ա. VIII դարը: Հայտնա-բերված մեկ կրթավան աստիճ, մի էպրը բար, հարբ և կարճ պտուկով դանակ, որի նմանակները հայտնի են Իզդիթի գամնարաններում:

Գամնարանում գտնված՝ թաղանթի թե՛քնող կր-թանկերով երեք խմբի ծաղիկը տերևունակ են (կր-թանկերում՝ ձվաձև): Դանակ, սակայն միջնաբլուր ունե-ցող գեղարաններ հայտնի են Կարճիք բլուրից, Արիք-իթիթիկերից, Չոբանից: Երկու նմանատարները նշան են (կրթավանում՝ ձվաձև), ունեն ուղիղ պտուկներ: Այս նեկ նմանատարներ լայն անտուջով են ունեցի Վանի թագավորությունում. մ. թ. ա. VIII դարից ստանում:

Կազմարաններ (երկար. 0,55 մ) դեպի վրա ներա-լուց թրոգնի խոռովակներն են ունեն (վերին եզրի տրամագիծը 0,15 մ է, վարի եզրերը՝ 0,09 մ), որոնք վրա գամնակ են գտնա հարբար հասիտակունգով կր-կապակն օղակներ: Այս կազմարաններ, ըստ կրեու-թիկ, իրենց ներքին եզրին անտաքով կաշի պարկե-նակ մասեր են ունեցի, որոնք չեն պահպանվել: Դանակ կազմարանները թրոքը չէին Վանի թագավորությամբ համար. այսպիսի աստաքված էին ավելի մեծ, ուրիշ, ճեղքալուց երեքով օրինակները, որոնք բազմաթիվ ունեցել են հայտնի Կարճիք բլուրից: Գամնարանում գամնակ արկի նա կազմող թրոգնի կիսաթրող ան-թրի ունեցող երկու թիթիկները նույնպես ստակով են հայտնի թրոգնակն հուշարաններում և ինչպիսիք մեկ է. Ա. Կալչիթիկի կողմից Քեռուքում գամնակ արկի ն-հրամանակները:

Գամնարանի գաղտնարաններում հայտնաբերված իրերի թվում մեկ խումբ են կազմում ձիարարի մա-նեքը. անկեն, նակաստակ, կամատիճան, գլխահան-կեր. Շարճանները: Գամնակ անկենի երկակն, եր-բերն օղակակն անտաքով երկակն լեռնից մի բա-նի կրթավան են պահպանվել միայն: Չորս նակաստակը համապատասխ. մի էպրը նեղալուց, սեղանի նե-ունեցող թրոգն էր թիթիկ է, հարցարանով երկու հորիզո-նակն և մեկ ուղղահայտ ուտոցի գեղերով: Չորս անտակալի վրա ստված են երկու անտերև՝ աղ, միս հանդերձանի մյուս մասերի անտաքունը համար: Վանի թագավորություն տարածքից այժմ հայտնի են

բազմաթիվ նակաստակներ, որոնք ճոխ նակա-լարաված են, իսկ մի շարճան ունեն սակավակունգով թե՛քանկով պտուկներով և ուտանմանորակի կող-ջից հասակի դիտված են որպես Բյազնիթի կրեու-ակն արվեստի գաղտն ճեղքներ:

Բրոզեի երկու վազաններից առաջինը հարցար-ված է մինչ հորիզոնական, ուտոցի գեղերով, որոնք երկրորդ և չորրորդ միջն արկն են չորս ուղ-ղահանունակ անտերև: Չնայակի գաղարի անտաք-ված է մի կող օղակ: Չնայակի մեկ արմուկակն էլ հան երկակն լիակակ: Մյուս գամնակը առաջինը սարքերով է իրանի խմբի ավելի սամուն անցնու-նեցով և գարարանների թանգուկությամբ: Դանակ թա-գավաները սարքակն են եղի ինչպես Վանի թա-գավորությունում, այնպես էլ սամունակները հուշարան-չրանկերում:

Չիարարի մաս են կազմել, ըստ կրեութիկ, նակ թրոգնի կունգան, գամնակ գաղարով գամնակները (բարձր. 2,5—4,5 մ, միջիք տրամ. 6—5 սմ), որոնք ներս կողմից ունեն կամատիճան: Դանակ գամնակները հաստեր են Իզդիթից, Կարճիք բլուրից, Արիքից: Չիարարի թվագրված են մ. թ. ա. VIII—VII դարերով: Չիարարիներն աստիճ են նակ երկու մեծ (տրամ. 6 մ) և մեկ խոր (տրամ. 4,2 մ) ճարանգները, ո-րոնցից մեկերը շրջանակ են և ունեն թի՛ ուտոցի ծաղիկն և կազմապ, հարցարանով են հասիկակալովով և ուտոցի գեղերով: Փոքր ճարանգը նման նման է մե-ծերին, սակայն զարմանալիչում չէ: Դանակ ճարանգ-ները, որոնք հայտնի են ինչպես Հայկական լեռնա-շխարհի թրանգանակ, այնպես էլ արևելահայկ հուշա-րաններին, քայի ձիարարի մաս լիեղակ, օգտագոր-վել են նակ որպես գեղերով գամնակակի թաղարան:

Գամնարանում որված, չորս վառ պահպանված կամատիճանի մասեր են եղի վեց ժողով, բրոզեի կրեու-ակ գլխահանով գամնեք, որոնք նամանակները հայտնի են Կապիկի դեղեկի և գամնակարի ցի՛ սե-րանի են ունեցող թրոգն անտե՛ք սարքեր:

Երևանի գամնարանում գտնված թրոգնի իրերի մյուս խումբը կազմում են ուղեք, թապ և գավարի կամարներ: Կաղք պարտաքավում է թրոգնը թաղակ թիթիկից, ունի դեպի վրա լայնացող իրան: Գաղք շր-թի տակ արտաքված են երկու օղակներ, որոնք մշտով անտերև են կրթացած ծաղիկով, բրոզեի լարից պատ-րաստված ունեցիլ: Բրոզեից էլ արձայնից պարտաք-ված ուրուքատակն ուղեքի հավաքանունը մեծաթիկ է: Ուշագրավ են Չվիչքարայի և Աղբ Աղբայի թագարան-ներում պատվով այն ուղեքներ, որոնցից մեկը վրա վա-րդարված արձանատարները հիշատակներ են Վա-նի թագավորությունում մ. թ. ա. IX դարի վերջին թա-րարիցի գամնակով Իշաթիցի արքայի և նրա թոռան՝ Ինուշարայի, իսկ մյուս վրա՝ միայն Իշաթիցի և Կունգանի, քանի որ Կաղարանից փոքր է մ. թ. ա. IX դարով թվագրվող թրանգանակ իրերի՝ Կաղարանի տաք-

րից թանգարաններում պատվով, ժողովածուն: Հիշա-տակված առաջին արձանագրությունը պատկերն է: Այս արձանագրությունը սովորելից համարաբարունը Ինուշարայի մասին հայտնի այս ստեղծարարներին հետ, հնարավորություն է ընկնում ներքալուց, որ Ինուշարան կարճ ժամանակով ժամանակ է Ռար-տակի գամն:

Փասն ունի կրթավան, լայնացող իրան, կրեու-գված կողեր, դուրս ճկված պակի և (օղակակն հաստակի և կողերից քայի) հարցարանով է Կաղար-անի ծաղիկներով կողով վարդակներով: Այս քայի իր նմանակներն ունի ինչպես Կարճիք բլուրի և Գուր-վիթնի պղտաների ժամանակ գամնից Գրոնտեր, այնպես էլ Աղբ Աղբայի և Մանչիքի թանգարանների թրանգանակ Գրոնտի հավաքանուններում, որոնք հայտ-նաբերվել են Արևմտյան Հայաստանի տարածքից և թվագրվում են մ. թ. ա. IX—VIII դարերով:

Բրոզեի երկու կանթերից աստիճան անտերևի են պատկերակ, առաջինը մեծ է, երկրակավով: Երկրորդ ավելի փոքր է, կրթավանով կող, կրթացող զուս ո-ւնի ու մեկ կունգ: Կարիկն է ներքալուց, որ այս կան-թից պատկանել են Վանի թագավորությունում լայն հայտնի, կրթավանով իրանով և բարձր գվիկով, մասնակ կունգ ունեցող երկակնակի գավարաններին: Դանակ երկակնակն մեծակն անտաքակն անտերևն առաջ-մեծ էին գամնի: Սակայն դրանց զուրուքն մասին վիշտով է Կաղարանի (մ. թ. ա. 456—464 թթ.) Պար-տակարի հայտնի թանգարանակն այն հաստակը, որ պատկերակն են արքային հարկ թեղող հայերը: Վերջինից կանգնող արքային ճեղքարանով իրերի թվում պատկերակն է արձայնից նմանուցից պատ-րաստված, վերջ հիշատակված գավարանի ներքե կրկնակունգով մի շրջև անոր:

Գամնարանում գտնված իրերի թվում մեկ խումբ են կազմում նակ թրոգնի և կիսաարձանակեր թրոգնի պատարանով գարիքեր. ստանձնակն ուշագրավ է խոն չորս գլխիկների թանգուկներով գարարված

թրոգնը շրջակայ: Դանակ շրջակայներ հայտնի են նակ Կարճիք բլուրից, Արձայնից, Չոբանից, Նոր Արե-շից, Իզդիթից և այն հուշարաններին: Արձայնից ի-րերի թվում նմանաթիվը հավաքանուն են կազմում որս նույնպիսի պատարանները, բլուրում էլ խոնջը և է գամնարան են որվի կրթակներ, կրթակներ և ծա-րեղակն հետո: Դանակ պատարաններն հայտնի են պատկանակ Հայաստանի թի՛ թրանգանակ (Արձայնի, Կարճիք բլուր, Էրեբուն, Իզդի, Արիկ, Բաղնոց) և թի՛ անտակն (Մոխրամար թաղա, Արտաքուն, Ա-րձայնից, Կունգանի, Կարճիք) հուշարաններին: Գամնիցի նակ թրանգակ կրկնակ ասպար՝ ուղեքներ, երեք սկզբակունգակ հուշարան-թանգարանների հետ: Դանակ հարցարանակ հուշարաններ հայտնի են նակ Կարճիք բլուրից և Էրեբունոց:

ապրիլային դամբարանում: 8. Գիանոսը թաղված է հողում (բողոք վերջինից դամբարանը հայտնի են առայժմ միայն Արգիշտի կնիքները): 9. Գիանոսը դրված է գեղանի մեջ, քարից խնամքով կառուցված, դրոմա ունեցող դամբարանային որմնախորշում (հեղձվանի դամբարան):

Չի կարելի սակայն հարցը պատկերացնել այնպես, թե յուրաքանչյուր տվյալ դամբարանադաշտում կամ մուգնիսկ դամբարանում թաղումները պիտի կատարված լինեին հիշատակված ծեսերից միայն մեկով:

Այսպես, Բագրիքի դամբարանադաշտում հայտնաբերվել են ուսումնասիրվել են թաղումներ ինչպես դիակիզման, այնպես էլ դիարազման ծեսերով: Արգիշտի-իթինիում հայտնի են թաղումներ կատարված դիարազման, դիակիզման, դիամանաժաման ծեսերով. Լիճի դամբարանադաշտում՝ դիարազման և դիակիզման ծեսերով: Նույն երևույթը դիտվում է նաև Գեղեկիի ու Արծնիի դամբարանադաշտերում. իսկ Չրմնի և Բիսյունիի Զոռկունի (Վանա լճի ճուղիսային սփ) երկրում պեղված առանձին դամբարաններում ուսումնասիրվել են թաղումներ, կատարված նույն դամբարանում, երկու տարբեր՝ դիակիզման և դիարազման ծեսերով: Նման պատկեր դիտվում է և Երևանի ուսումնասիրվող դամբարանում. սակայն թաղումներն այստեղ կատարվել են դիակիզման և դիամանաժաման ծեսերով: Այս հանգամանքը կարելի է բացատրել Վանի թագավորության մեջ գոյություն ունեցող էրմիկական իրադրությանը: Ինչպես հայտնի է, Վանի թագավորությունը, իր կազմավորման սկզբից եկե, չի եղել միատարր ո՛չ էրմիկական և ո՛չ էլ մշակութային առումներով: Տերություն մեջ այրում էին տարբեր ժողովուրդներ, որոնք խոսում էին հիմնականում խոտ-որսարարական (կամ պարսկյան) և հնդկությունական լեզվաընտանիքներին պատկանող լեզուներով: Վերջիններս բովն էին պատկանում հայերը, մերթները, լուվիացիները, քրմացիները և այլն: Սակայն, ճիշտ չի լինի սակ, թե այս ժողովուրդներից յուրաքանչյուրն ուներ իր բնակության հասակ ու անփոփոխ տարածքը, քան որ այն ժամանակ ես, մյ կողմից, գործում էին բնական միգրացիայի օրենքները, և մյա կողմից ափսոսյան որչափ, այս ուղղությամբ սարվող թաղաբախկանությունը:

Երկրի ամբողջակամությունն ու թաղաբախկան և անտեսական եզրությունը ամբապնդելու նպատակով, սկսած մ. թ. ա. IX դարի վերջին քառորդից սրբապատկան, վարչական, ռազմական ու կրոնական քրեապատկաններում Վանի թագավորությունում իրականացվեց բարեփոխումների մի ամբողջ շարք: Բուսից մյա, Բիսյունիիում, Արգիշտի I-ի գահակալության սափիներից դիտվում է էրմիկական կայուն վիճակ քանդակով ձևում. խոսքը երկրի տարբեր շրջաններից բնակչության տեղաշարժերի մասին է, երևույթ, որն օժանդակում էր պետական անտեսությունների կազ-

մավորմանը, երկրի միասնության ապահովմանը (վերաբանակները, հաշվարկվող օտար միջավայրում, շահագրգռված էին կենտրոնական իշխանության հերոսությանը) ու տարբեր էրմիկական խմբերի միավորմանը: Ինչպես հայտնի է Գ. Ա. Միխիշվիլին, իրայնացիք արշավանքների ժամանակ տեղափոխվող այս կամ այն վայրի բնակչությանը, նրանց տեղափոխում էին պետական հողերի վրա: Այս վերաբանակները պարտավոր էին ծառայել թանկարժեք, գնաթե հարկեր և այլն: Միայն Արգիշտի I-ը վերաբանակեց է (և լրիվ տվյալներով) մոտ 250000 մարդ, իսկ Սարգույր II-ը 197000: Երմիկական այս իրադրությունն իր խոսակցություններն է թողել և տերության մշակութային ուսումնասիրությունների վրա, հանգամանք, որ ինքնին պայմանավորում է Վանի թագավորության տարածքում գոյատևած օրիպնական մշակույթի և ստեղծված մշակույթների ուսումնասցման անհրաժեշտությունը:

Աշխատանքում, օրիպնական մշակույթը հասկացության ներքո հկատի է անվանվում այն ապրելանքը, որը բնորոշ էր հիմնականում Վանա լճի շրջակայքում ապրող բնակչությանը, որոնց արտադրանքը արտահանվում էր նաև տերության կողմից վերակառուցված կամ նոր հիմնադրված վարչարկում ու ստրատեգիական կենտրոնները և կամ առաջընթաց էր այնտեղ իրականակն կառուցվելով:

«Տեղական մշակույթը հասկացություն ներքո հկատի է անվանվում այն ապրելանքը, որը բնակարկվող ժամանակաշրջանում, բնորոշ էր էրմիկական ապրող տեղաբնիկների համար: Այստեղ գտնվող հուշարձաններից հայտնի են թագմարիվ ներմուծված նյութեր, բերված ինչպես իրապնական մշակութային կենտրոններից, այնպես էլ ուրիշ, հին արևելյան երկրներից, որոնք հասակորեն տարբերակվում են տեղական արտադրանքից: Ծավոք, փաստագրական նյութի սակավության պատճառով, հասկալ պատկերացում չունենք պետական Հայաստանի այ շրջանների ոչ իրապնական մշակույթների մասին: Սակայն խոտիական ու փոյուղիական հարուստ նյութեր պարունակող հուշարձանների գոյությունը Հայկական լեռնաշխարհին արևմտային ու հարավային հարող մի շարք շրջաններում, հնարավորություն են տալիս այստեղ ես ենթադրելու ստեղծված մշակույթների գոյությունը: Մինչև նույն ժամանակ, ըստ Հայաստանի Հանրապետության տարածքից հայտնի հնագիտական նյութերի (մ. թ. ա. IX—VII դդ.), դիտվում է իրապնական մշակույթի ունեղ ազդեցություն բնիկների նյութական մշակույթի վրա: Այս երևույթը հասակ է դիտվում զենքերի (ք հայտ են գտլիս սքերի, դամակների, դաշույնների ու նետապանների որոշ նոր նմեր) և խնդրեկնի (կիրառություն են ստանում իրապնական մշակույթի բնորոշ կաներ և շքեր ունեցող կազմաորներ) վրա: Նույն երևույթն է դիտվում և ճուղնոր մշակույ-

թի ապարիզում. «տեղական» առավանթությունն ինքնազդվում են Նաժտարարական դիցարան, իսկ իրապնական առավանթունների պաշտամունքը տարածվում է տերության ծայրագավաններում:

Այսպիսով, ննկ անգամ ես շնչանք որարապրի տոթյան ննկ վաղոց Հայտնի այս կարծիքը, որ Վանի իրապնական առավանթունն աշտունկվում էր բնիկնալ կրկերի՝ տարբեր ծագող ունեցող բնակչության (խոտիական, իրապնական, Տեղեկութային (Տեղեկական Հայկական)) միակուծումը:

A BIAYNESE GRAVEYARD IN YEREVAN

Summary

In 1984 in time of construction work within the compound of the "Car Assembly" factory on Orjonikidze Avenue in Yerevan, a graveyard was discovered which was subsequently dug out by the archeological team of the Institute of Archeology and Ethnography of the Armenian Academy of Sciences. It was established that the sepulchres, dating back to the period of Biayna, were dug in a large and old graveyard. Apart from the sepulchre under study, another, so-called stoncoffin burial place of the Early Bronze Age, was discovered, in addition to a Middle Bronze Age barrow, lying next to the former. The pit, excavated during the construction work in the area contiguous to the graveyard, contained pottery ascribed to the beginning of the I millennium B. C.

The excavated Biaynese sepulchre, 3.46m long, 1.97m wide and 2.15m high (the inner dimensions) is a rectangular structure of north-south direction (with a 10° westward deviation).

The sepulchre is floored with polished black, red and dark-brown tuff slabs, with caches fitted out in the basement. The five-layered walls are made of well-trimmed tuff. The sepulchre has also five niches, three of which (0.50 x 0.50 m) are mounted in the western wall, 0.44m above the floor. Another niche of the same dimensions is built in the southern wall. The eastern niche is longer, again mounted 0.44 m above the floor. It is spanned by a big tuff beam supporting most of the weight of the slabs, roofing the sepulchre. The niche is 2.06 m long, 1.22 m high and 1.01 m deep.

The uppermost layer of the walls of the

sepulchre is slightly moved forward (0.13-0.18 m) in the form of an eave embracing nearly all the circumference of the cell, overlaid (on the northern side of the sepulchre) with five big tuff beams, (0.37-0.64 m high and 0.45 m wide), spanning the width of the sepulchre in a west-east direction. The niche has a roof of its own made up of two similar stone beams running along the sepulchre in a north-south direction. The four beams of the southern roof of the sepulchre are perpendicular and firmly affixed, on one side, to one of the beams of the main roof, while the other side leans on the eave and the masonry of the northern wall.

The entrance (1.29 m high, 0.75 m wide, and 0.45 m deep) made in the northern side of the sepulchre chamber, is hermetically sealed with a huge polished tuff-stone. The shape and dimensions of the dromos, lined with small boulders, remain unidentified, as it lies buried under the pit of the workshop of a modern factory.

Artifacts in profusion were brought to light from the sepulchre. Thus each of the three niches of the western wall contains an urn filled with the fragmented bones of men, animals and birds. The big eastern niche holds a large clay vessel, decorated with the heads of three bulls, in addition to a bowl the base of which is adorned with a rabbit-egg-shaped stamp. The remaining earthenware of the sepulchre, comprising a pitcher with a lion-headed spout, an ewer, a lamp and a number of small and large bowls, lay in the north-eastern corner of the sepulchre.

The first of the three caches was unearthed under the floor slabs of the western wall of the sepulchre chamber. It contained fragments of bronze quivers, a bowl, agate beads, a weight-shaped seal of black stone engraved with the effigies of a griffin and the crescent. The second cache was discovered under the floor slabs near the eastern wall of the sepulchre. The finds comprised only a few bracelets wrought with snake heads. The third cache was built under the floor of the eastern wall niche. Lying in the cache were the remnants of three different straps and trappings, snake-head-shaped bracelets, an iron sharp sword, knife and daggers, bronze nails, a bucket and other artifacts.

As to shapes and decoration, the high-quality pottery discovered in the sepulchre depicts two distinct features: the first group comprises five, wide-mouthed, oval, slender-bodied, spoutless vessels with broad bases, relatively high necks and protruded lips. The bodies of all those vessels are marked off by "projecting belts". Three triangular holes are bored in each of the three jugs, while the other two have two openings each. Similar urns have been brought to light in other parts of the Armenian Republic and in Western Armenia. The urns found out among other Biaynese artifacts have not been made specially to contain the ashes of the dead; these spoutless, or two- and three-handled vessels were used for various household purposes (Yerevan, Chermes /Aitin Tepe/, Igdir, Oshakan), jugs (Nor Aresh), outside jars (Arguistikhinli, Chermes). Significantly, apart from the earthen vessels, three oval bronze urns were also uncovered in one of the sepulchres of Chermes.

The second group of vessels unearthed from the sepulchre comprises two, high-quality vessels, wrought with animal-shaped figurines, one of which is wide-mouthed and round-bodied with its neck and protruded lip similar to the ewers of the first group, its body adorned with three belts. The statuette of a lion decorated the upper part of the vessel reminds one of the sculptured lion gracing the well-known stoncoffin found in Karmir B'hour. The lion figurine on the vessel served also as an outlet, being connected through a tubular passage with the oval body bored with four

holes at the base of the vessel. Similar focally made vessels have been unearthed also in the basin of Lake Sevan and in Garabagh.

The second vessel of this type is a round-shaped ewer, without handles, but with a protruded body. It is also provided with a wide, concave, horizontal spout, the entire circumference of which is adorned with furrows. The rim of the vessel is girded with two parallel concave lines. Three symmetrically sculpted bull heads grace the edge of the ewer. Those elaborately wrought vessels were of common occurrence in the kingdom of Van, in the fortress and habitation site of Karmir B'hour, in Dvin and Badnots. Clearly, they are replicas of the respective bronze vessels, widespread in the kingdom of Van.

Comparatively ordinary earthenware made up of oval, somewhat elongated, wide and high neck, forms a large part of the remaining pottery. These are pitchers, two large bowls (the base of one of them is engraved with the pictures of hare), and roundshaped sides, well-cut lips and double-partitioned lamps, the paraffets of which, dating back to the 8th c. B.C., were discovered in Erebyun.

A large portion of the artifacts interred in the sepulchre consists of weapons, of which a 0.90 m long iron sword should be singled out for mention. Again, three daggers, made in the style of their so-called Near-Eastern counterparts, were also brought to light. They were made in Armenia from the Mid-Bronze Age to the 8th c. B. C. Besides, a smooth, broken-edged, short-handled knife was also found out, reminiscent of similar knives discovered during the diggings of graveyards in Igdir.

The heads of three spears placed in the sepulchre are leaf-shaped. Such spears are common in Karmir B'hour, Arguistikhinli and Chermes. Two arrows discovered in the sepulchre are almond-shaped and straight-edged. Such arrows were current in the kingdom of Van in the 8th c. B. C.

The quivers (0.55m long) look like bronze tubes narrowing in the upper ends (0.25 m is the diameter of the upper end and 0.09 - that of the lower end), with two rings nailed on each, to fix them on the belt (Plate XI, figs. 1,2). These quivers were unusual for the kingdom of Van, where big-

ger, straight quivers were dominant, many specimens of which were discovered in Karmir B'our. Semi-oval, bronze parts of bows, unearthed from the sepulchre, with hooked edges and tin apertures are also rarely met with in Biayna monuments; they are reminiscent of bow parts discovered by B. A. Kuf-tin in Treghik.

A large number of trappings were uncovered in the caches of the sepulchre: harnesses, headstuffs, belts, cheek pieces and backbands. Only a number of curb chains have been preserved. One side of the head-staff is a narrowing, tableshaped bronze plate, ornamented with two horizontal and one vertical concave lines. Two holes are made in the headstaff used for fixing it to other trappings of the horse. Now a great number of richly ornamented headstuffs, from the period of the kingdom of Van, have been uncovered; some of them are adorned with mythological topics and the researchers often rate them as brilliant specimens of the applied art of Biaynili.

The first of two bronze belts is embellished with five horizontal, concave lines, four rectangular openings bored between the second and the fourth lines. The belt is crowned with a circular ring. The iron mouth of the belt is preserved. The second belt differs from the first by the plain form of its shoulder and waist. Such belts were current in the kingdom of Van and its northern contiguous regions. Particularly noteworthy are these belts engraved with cuneiforms—two from Karmir B'our (carved with the inscriptions of Arguishti I and Sardour II) and one from Afishar (bearing the inscription of Arguishti I).

Apparently bronze-made, conical throat-fatches with nailshaped tops (2.5-4.5 cm high and 6-8 cm the diameter of the base) with inner spans, have also formed part of the trappings. Such throat-fatches, attributed to the 8th-7th cc. B. C., were discovered in Igdri, Karmir B'our and Afishar.

Two big (6 cm in diameter) and one small (4.2 cm in diameter) trappings are also among the finds. The bigger buckles are circular in form, with a slightly concave surface and are provided with spans. They are adorned with beads and protruding lines. The small buckle is a plain replica of the bigger ones. Aside from forming part of trappings, such buckles occurring in profu-

sion in Biaynese and local monuments of the Armenian Upland, could have also been used as components of the soldier's breastplate.

Inserted in the sepulchre were also six, bronze-made, round-headed nails, used as furniture attributes, the likes of which were found in Kayali Dere, as well as the hollow bull-hoof-shaped bronze legs of a throne.

The other group of bronze-made objects uncovered in the sepulchre of Yerevan include a bucket, a bowl and the handles of a cup. The bucket is made of a thin plate of bronze with an upward widening body. Fixed below the lip of the bucket are two circles, with outward curved, round, bronze-made eyes crossing both circles. Now these bronze- and silver-made buckets are quite large in number. The museums of Switzerland and Les Arts are in possession of buckets, one of which is engraved with an inscription mentioning King Spouinhii, the sovereign of the kingdom of Van in the last quarter of the 9th c. B. C. and his grandson Inoushpoua, while the other records only Inoushpoua. Both artifacts are valuable since Biaynese findings of the 9th century are very few in number. Comparing the data of this inscription to other cuneiforms, associated with the name of Inoushpoua, we can presume that the latter's reign over Biayna was short-lived. Special mention deserves also the fact that we often come across deities holding buckets in their hands in Biaynese murals and sculptures on mythological topics.

The bowl has a slightly oval, widening body and a protruding rim. Save for the circular base and the sides, the entire vessel is adorned with three rows of flower-leaved rosettes. Similar bowls were unearthed from the excavations of Karmir B'our and Golovino. The holdings of the museums of Les Arts and Mainz also contain such bowls, dating back to the 9th and 8th cc B. C. and unearthed in Western Armenia.

The bronze handles belong to different vessels: the first is big and elongated, while the second is somewhat smaller, and oval with two small projections on the curvatures. At first sight those handles seem to have formed part of Biaynese cauldrons, quite familiar from the diggings of Igdri and Karmir B'our. However, as is known, the handles of those small cauldrons are fitted

out with two projections each, designed in the shape of beast heads. But in our case, we deal with one plain projection, and this circumstance leads us to the assumption that they could not form part of cauldrons but belonged to twin-handled longish-bodied, high-necked plain or protruded bows, common in the kingdom of Van. Thus far we are in no possession of similar intact two-handle metallic vessels. However, evidence of their existence is offered by the above handles and also by that detail of the famous Persepolis high-relief of Xerxes I (486-464 B. C.) which depicts the Persian king levying taxes from the Armenians. The latter are pictured presenting sumptuous objects to the king, among them a valuable metal-made two-handle vessel, a replica of the above-mentioned bowls.

Ornaments in profusion made of bronze and semi-precious stones are also among the artifacts discovered in the sepulchre; noteworthy among those finds is a bronze pin adorned with the high-relief of four ram heads. Similar pins were also uncovered in Karmir B'our, Armavir, Oshakan, Nor Aresh, Igdri and other sites. Remarkable among the above finds are eight bracelets decorated with the heads of snakes. They are all big-sized and massive, broken to pieces and twisted before placing them in the grave. Such bracelets were uncovered among vestiges in Soviet and Western Armenia and they belong to Biaynese (Armavir, Karmir B'our, Erebyun, Igdri, Artskeh, Badnots) and to local (Moukhannat Tepe in Yerevan, Astghadzor, Atarbekian, Kamo, Vardenis, etc.) cultures. In addition, twenty-eight big, finepolished, drilled and twelve ball-shaped agate beads, three diskshaped bead partitions were brought to light. Similar ornamental beads have also been dug out during the excavations of Karmir B'our and Erebyun.

Figuring among the ornaments of the sepulchre are also the fragments of a small bronze tube and a pendant.

Three belts unearthed from the sepulchre arrest our attention; the first is broken into many pieces; it is 19 cm wide and about 20 cm long. Its edge is bored with many openings that served to sew it on a leather base. Externally the entire surface of the belt is chased with pictures of chariots, riders, bulls, horses and lions

as well as hunting scenes, presenting lions attacking the chariots and lionchasing riders.

The second belt is of the same width but shorter in length. It was broken into parts before laying into a grave. Pictured on the belt are mythological animals: racing winged bulls, winged horses with lion paws, winged lions with female faces and with beaks or horse tails, birds with fish tails and lion paws. Here, too, hunting scenes are chased: hunters fighting with lions and bulls (riders or warriors standing in chariots), apart from horse-and-bull, bull-and-lion, horse-and-lion fights.

A large collection of identically ornamented Biaynese belts, discovered in Western Armenia, is preserved in the regional museum of Adana.

The third belt is patterned only with geometrical designs; it has reached us in five small fragments with a total length of 26 cm and a width of 9.5cm.

Another artifact found out in the sepulchre is a black-stone-made weight shaped seal, the lower part of which is engraved with the picture of a bird and a snake near its beak. A similar scene is depicted on the seal of a Biaynese jar, discovered in Arguishtikhini. Such scenes of bird and snake fights are likely to reproduce the concept of the Universe's eternal fight between good and evil forces, current in Urartean mythology. At present a large number of Biaynese seals are available in different museums of the world. As to form, these seals are divided into four varieties: cylindrical, weight-shaped, beff-shaped and animal-shaped figurines. Weight-shaped seals (to which the specimen from the sepulchre of Yerevan belongs) occurred in Erebyun, Arguishtikhini, Teyshabaini, Bastam and in Western Armenia.

A bronze ingot has also been unearthed from the sepulchre, in addition to a bronze article of unspecified use, two bronze threestegged stands and an obsidian chip.

An examination of the artifacts found out in the sepulchre clearly indicates their dating - 8th c B. C. This conclusion is supported not only by the metallic objects, the likes of which can be attributed also to a later period, but by the earthenware as well. This collection of finds from the sepulchre of Yerevan, together with those

of earlier date discovered in Erebyun and Arguistikhini, form but a small part the values that give us some idea of the material and, to a certain extent, of the spiritual culture of the kingdom of Van in the 8th century B. C.

It is hard to ascertain thus far the city, the residents of which lie buried in the sepulchre in question. The thing is that the sepulchre is located rather far from Erebyun. Besides, there is reason to believe that the graveyard must have taken up the area of the present-day living quarter of Nor Aresh. On the other hand, Teyshabani, the other Biaynese city known to us, was not yet founded in the 8th c B. C. Therefore we are likely to expect, albeit with a small degree of probability, the existence of a third habitation within the limits of Yerevan, the more so that small Biaynese monuments have reached us from the residential quarters of Charbakh, Noragavit and Tumanian Street, all of them in Yerevan.

As to desing and form, the sepulchre of Yerevan has few likes. In this respect it is closer to the graveyards of Chermes (Aftin-Tepe). However, the burial sites observed here are common to a number of other Biaynese monuments.

The custom of burying the human being testifies to the given society's concepts of the soul and the other world, those notions being reflected in the recorded sources of the Urartean religious system. This circumstance permits, albeit in broad outline, to reproduce the reflection of Urartean concepts on birth-life-death-the other world in religion, the most significant element of which is the burial rite.

G. A. Ghapantsian was the first to refer to this problem; he believed that the Urartu god Adaruta had been the symbol of birth, Imroushini stood for disease, life and health while death was embodied by the deity that "transferred the souls". The inscription on Mher's door mentions all the deities of the Urartu pantheon enlisted in their semantic sequence.

The very existence of a god "transferring the souls" attests that the Urartians had their own notions and legends about the soul, the other world, the boundaries between this and other worlds, that the soul alone could not cope with the problems. Apparently man's soul met with another god on

the borderline of the other world - Shebitu, who, like his Mesopotamian counterpart Sabitu-Siduri, guarded the entrance to the other world.

The notions about the other world in the kingdom of Van were associated with water - the ocean or the sea - an example of which was Lake Van. As the Armenian traditions, persisting in the basin of Lake Van and linked originally to Biayna, indicate, life in the other world was similar to earthly life (save for the fact that it was reversed as in a mirror), i. e. it was the soul that was in need of food, clothing, arms, implements and traffic means in the other world.

Khoutouini, the fourth deity in the pantheon as master of man's destiny, ruled supreme in the other world.

The concept must have prevailed in Biaynifi that the road leading from the earth to the other world passed through caves and grottoes in the rocks and, apparently, through "gates", too. This is borne out by the forms of burials in rock openings or in manmade caves. Significantly, even if the deceased was buried in an earth cell, the latter was covered with a stone "shield" which fact was revealed also during the diggings of the graveyard of Yerevan. This phenomenon is an expression of the similarity with rupestral burials. Importantly, it was believed in the kingdom of Van that the deities emerged from the rocks to maintain contacts with the human world. The habit of dedicating "gates" (manmade hollows dug in caves) to one god or another (mainly to the god of Khaldi), current in Biaynifi, is also believed to have been associated with the above phenomenon. This holds true for the gate of Mher (the Khaldi gates of Biayna) preserved in Armenia until recent times. It was a "gate" through which Little Mher had entered the rock to isolate himself from the world. Legend has it that its emergence was connected with the notion of perspective universal well-being.

In spite of the seemingly general concept about the other world, prevailing in the kingdom of Van, the burial rites are markedly dissimilar, apparently accountable in terms of unhomogeneous ethnic, social-economic and cultural factors.

Thus far three basic burial rites are noticeable within the kingdom of Van: burial

of the body, cremation and dismemberment, practised in various ways.

"Burial of the body". This rite has been practised in all the stages of evolution in the Armenian Upland. The following were the variants common in the kingdom of Van: 1. Burial in manmade caves: body sometimes was put into a sarcophagus (Van, Bostankaya, Kayafi Dere, Lich, Mazkert, Badnots, Artskeh, etc.). 2. Burial of the body in a sarcophagus in subterranean stone-made one or several sectional graves fitted out with dromos (Chermes, Ziveli). 3. Burial in a rock opening (Igdir). 4. Burial in a stone-coffin (Arguistikhini, Oshakan). 5. Burial in a large, stone-walled grave (Oshakan). 6. Burial in an earthen vessel (Arguistikhini). 7. Burial in the earth (Lich, Yerevan).

The rite of cremation, originating in the Armenian Upland in the Mid-Bronze-Age, persisted until the introduction of Christianity in Armenia. The following variants of this rite are met with in the kingdom of Van: 1. The corpse containing the vessel is laid in the opening of the rock (Igdir). 2. The corpse-containing vessel is buried in the earth (Nor Aresh, Arguistikhini). 3. The corpse-containing vessel is laid in the burial cell made up of several sections and fitted out with a dromos (Chermes, the graveyard of Yerevan, Lich, Artskeh, Badnots). 4. The corpse-containing vessel is laid in a man-made cave (Artskeh, Afishar). 5. The corpse-containing vessel is buried in a stone-coffin (Lich).

The corpse-dismembering rite originated in the Armenian Upland in the Late Bronze Age and persisted until the early Middle Ages. In graveyards of a remote date this rite was practised by the removal of certain bones from the skeleton or by a dismemberment of the latter, when the bones were not collected in urns. But in the kingdom of Van they are invariably placed in urns with openings on their shoulders. In the kingdom of Van they are invariably placed in urns with openings on their shoulders. In the kingdom of Van this rite was practised in the following forms: 1. The urn was placed in a stone-made coffin. 2. The urn was placed in a stone coffin. 3. The urn was buried in the earth (all such graveyards have so far been unearthed only in Arguistikhini). The urn was placed

in the wall opening of a stone-structured burial cell in the earth, provided with a dromos (the graveyard of Yerevan).

However, it does not follow that the funeral must have necessarily been patterned on one of the above burial rites in an Iven graveyard or even a grave. Thus both cremation and body burial have been discovered and studied in the graveyard of Igdir, whereas all three rites - burial, cremation and dismemberment - have been found out in Arguistikhini and burial and cremation - in the graveyard of Lich. The same phenomena were observed in the graveyards of Dedei and Artskeh. As to some graveyards dug out in Chermes and Ziukuni of Biaynifi (on the northern shore of Lake Van) cremation and burial of bodies have been observed in the same grave. A similar picture unfolds in the Yerevan graveyard under study, where the burial rites were cremation and body dismemberment, which fact is likely to be explained in terms of the ethnic situation of the kingdom of Van. As is known, from the very outset the kingdom of Van was ethnically and culturally unhomogeneous. The state was populated with different peoples who spoke mainly Hurrian-Urartean or Afro-rodian and languages of the Indo-European family. The latter included the Armenians, the Hittites, the Luwians, the Iranians and so on. On the other hand, this does not mean that each of those peoples was confined to one particular locality. Migration was of common occurrence also in those days, all the more so that it was a state-promoted policy.

To consolidate the state and its political and economic structure, the kingdom of Van undertook, as from the last quarter of the 9th c. B. C., a whole range of reforms in the economic, administrative, military and religious domains. In addition, under Arguisti I's reign, a tendency of ethnic stabilization is observed in Biaynifi. This refers to the transmigration of the population to the country's different regions, a circumstance which promoted the formation of national managements, and stimulated the country's unity (migrating to a new region the new-arrivals contributed to the consolidation of the central authority) and the amalgamation of different ethnic groups. As G. A. Melikishvili remarks, during their invasions the Biaynese displaced the local

population to settle it on state-owned lands. The re-settlers were required to serve in the army, pay taxes and discharge other obligations. Thus Arguishti I re-settled about 280,000 inhabitants and Sardour II — 197,000. This ethnic reform had a profound impact on the country's cultural peculiarities, bringing about the differentiation of "Biaynese culture" from "local culture" within the kingdom of Van.

Referring to "Biaynese culture" the present study has in mind the way of living peculiar to the population inhabiting mainly the surroundings of Lake Van, the products being exported to the newly-founded administrative centres or produced there by Biaynese models.

The notion of "local culture" implies the way of living characteristic, for the period under discussion, of the natives who inhabited the present-day territory of Republic of Armenia. There are, among the artifacts discovered in this region, many exported goods, brought over from Biaynese cultural centres as well as from other "local cultures" of Western Armenia, since the local Biaynese monuments of the same period are very few in number and inadequately studied. Nevertheless, the availability of "local" and parafet Phrygian finds in Norkhoun Tepe and the existence of monuments rich in Hurrian and Phrygian traces in a number of areas bordering on the southern and western regions of the Armenian

Upland, enable us to presume the existence of "local" cultures and their alternatives also in this area. On the other hand, the artifacts (9th-7th cc. B. C.), available in Armenia Republic, are indicative of a strong influence of Biaynese culture on its "local" counterpart. This phenomenon is clearly visible in weapons (particularly in certain new models of swords and knives) and earthenware (involving the application of certain vessels provided with handles and lips, typical of Biaynese culture. The same phenomenon is observed also in spiritual culture). The "local" deities are included in the alt-Urartean pantheon whereas the cult of Biaynese deities is practised in the country's outlying provinces.

Thus, emphasis should be laid once again on the widespread concept in Urartology that the amalgamation of different peoples (Hurrians, Biaynese, Indo-Europeans—mainly Armenians) was an ongoing process in the kingdom of Van. This fact is proved, on the one hand, by the presence of Biaynese, Hurrian, Hittite-Luvian words, terms and deity names in grabar (Old Armenian) and modern Armenian dictionaries, and, on the other, by the strong influence of Biaynese culture on its Armenian counterpart even after the downfall of the kingdom of Van.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Авторы книги, пользуясь случаем, благодарят сотрудников музея "Эребуни", которые под руководством А. С. Пилипосьяна оказывали помощь в обследовании погребения.
2. Материалы тайника под полом обнаружены архитектором, автором проекта реконструкции гробницы, В. Джагаряном.
3. Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, т. III, Ереван, 1955, с. 13, рис. 13; он же, Искусство Урарту, Ленинград, 1962, с. 88.
4. Stephan Kroff, Keramik Urartaischer Festungen in Iran, Berlin, 1976, S. 186.
5. С. И. Ходжаш, Керамика Эребуни. Сообщение Гос. музею изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, вып. IV, М., 1968, с. 136, рис. 1.
6. Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer, Urartu een vergeten cultuur uit het bergland Armenië, Gené, 1982-1983, с. 170-173.
7. Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, М., 1959, с. 145.
8. С. И. Ходжаш, Н. С. Трутанова, К.-Л. Оганесян, Эребуни, М., Наука, 1979, с. 100, рис. 83, 86, 88; С. И. Ходжаш, Керамика Эребуни, табл. VIII, рис. 2.
9. А. А. Мартиросян, Архитектурный Ереван, 1974, с. 144, рис. 61, 62.
10. С. А. Есяян, Находки урартских изделий в Ошаканском могильнике, сб. "Древний Восток и мировая культура", М., 1981, с. 95.
11. St. Kroff, указ. соч., с. 128, тип. 46; Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer, указ. соч., рис. 195-202, 208.
12. Ив. № 13/10 музея Эребуни.
13. Հ. Ա. Մարտիրոսյան, Բ. Մ. Քարմիր-Բլուրի հին պեղումների արձանագրություն, — Հանրապետական պատմության և հնագիտության գիտությունների ակադեմիայի հանրագիտական հանձնարարություններ, 1986, №3, տ. 1: Ив. № 1624/24 Гос. исторического музея Армении.
14. Б. А. Куфтин, Урартский "колузария" у подошвы Арарата и Куро-арасская энеолит.-Вестник музея Грузии, 1944, вып. 13-В табл. VII, рис. 1-9.
15. B. Ügün, Die Urartäischen Bestattungsbräuche-In: "Studien zur Religion und Kultur Kleinasien", Festschrift für Friedrich Karl Dörner zum 65. Geburtstag am 28. Febröir, 1976. Herausgegeben von Şahin E. Schwertheim, J. Wagner, Zweiter Band, 1978, p. 639-678, Taf. CII-CLXV, abb. 1-59.
16. B. Ügün, Op. cit., табл. VII, 12.
17. B. Ügün, Op. cit., табл. VII, 13.
18. Avrupa Konseyi 18. Avrupa Sanat Sergisi Anadolu Medeniyetleri, İstanbul, 22 Mayıs- 30 Ekim 1983.- Т. С. Kültür ve Turizm Bakanlığı, p. 290, fig. 780.
19. Б. А. Куфтин, указ. соч., с. 70.
20. Г. А. Кананин, Историко-лингвистические работы. — Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1975, т. 2, с. 91.
21. Б. Б. Пиотровский, Искусство Урарту, рис. 68.
22. Раскопки А. С. Пилипосьяна, материалы не опубликованы.
23. Հ. Ա. Մարտիրոսյան, Կ. Լ. Քարմիր-Բլուրի հին պեղումների արձանագրություններ, — Հանրապետական պատմության և հնագիտության գիտությունների ակադեմիայի հանրագիտական հանձնարարություններ, Երևան, 1987, էջ 39:
24. Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур I, Ереван, 1950, с. 70, рис. 43.

26. А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, с. 175, рис. 72 (1, 2).
27. К. Х. Кушарера, Древнейшие памятники Дашка, Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1977, с. 23, рис. 23.
28. Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer. Op. cit., fig. 194.
29. Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту, рис. 28-30, 32; Ekrem Akurgaf. Ugartaische und Altiranische Kunstzentren. -Türk Tarih kurumi Basimevi, Ankara, 1968, Taf. XXXVI.
30. K. Tanabe, A. Hori, T. Hayashi, S. Miyashita, K. Ishida. Studies in the urartian bronze objects from japanese collections (1). Bulletin of the ancient orient museum, vol. IV, Tokyo, 1982, p. 76, pl. 64; Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer. Op. cit., fig. 144, 175.
31. С. И. Ходжаш, Н. С. Труханова, К. Л. Оганесян. Указ. соч., с. 108, табл. 123.
32. С. А. Есаян. Каталог археологических предметов музея истории города Еревана, т. II. Ереван, 1967, с. 72, табл. XIX, рис. 5, 6.
33. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур (альбом). Ленинград, 1970, рис. 53; С. А. Есаян, М. Н. Погребова. Осские памятники Закавказья, М., 1986, с. 43, табл. 1, рис. 1.
34. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур I, с. 38, рис. 19; он же. Ванское царство, рис. 25.
35. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур I, рис. 21.
36. А. А. Мартиросян. Аршизавилли, рис. 89 б. /6/.
37. Tahsin Özgüç. Aftintepe, I-Türk Tarih Kurumu Basimevi, Ankara, 1966, fig. 2-4.
38. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур I, рис. 22.
39. Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, с. 167.
40. С. А. Есаян. Каталог археологических предметов музея истории города Еревана, табл. XXVII, рис. 5.
41. Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, Ереван, 1944, рис. 49.
42. Ch. A. Burney. A "first season" of excavations at the Urartian citadel of Kayalidere. -"Anatolian Studies", 1966, vol. XVI, pt. XIII, fig. 21.
43. Afif Erzen. Cavustepe, I, Ankara, 1978, fig. 39.
44. Tahsin Özgüç. Указ. соч. рис. 10; он же. Aftintepe II, - Türk Tarih Kurumu Basimevi, Ankara, 1969, pl. XXXIV, fig. 1-6.
45. Б. А. Кувшин. Урартский "колузбарий" у подошвы Арарата и Куро-аракский железнит, с. 53, табл. VII, рис. 4-7.
46. Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, с. 167.
47. Ch. A. Burney. Указ. соч. табл. XVII (e).
48. Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer. Op. cit., pl. 30, fig. 34.
49. Б. А. Кувшин. Археологические раскопки в Тридакти, Тбилиси, 1941, с. 101.
50. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур I, рис. 32.
51. Б. А. Кувшин. Указ. соч., с. 32, 55.
52. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур III, с. 43, рис. 33, 41.
53. Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer. Op. cit., fig. 37-41.
54. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур III, с. 43, рис. 35.
55. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур (альбом), рис. 58; И. М. Дьячков, К вопросу о сивольном Хладив - Древний Восток (вып. IV, Ереван, 1983, с. 194.
56. V. B. Piotrovski. Urartu. London, 1967, fig. 60.
57. Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту, рис. 3.
58. Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer. Op. cit., fig. 62-77.
59. Б. А. Кувшин. Урартский "колузбарий" у подошвы Арарата и Куро-аракский железнит, с. 38, рис. 27.
60. Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту, с. 3, рис. 3.
61. Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer. Op. cit., fig. 51-52.
62. Б. А. Кувшин. Указ. соч., с. 38, рис. 27.
63. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур III, с. 43, 44, рис. 36.
64. Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer. Op. cit., fig. 44, 45, 48-50.
65. Ch. A. Burney, op. cit., pl. XI (a).
66. А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, табл. XXI.
67. А. А. Мартиросян. Указ. соч., с. 216-219.
68. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур III, с. 35, рис. 25, с. 44, рис. 37.
69. Ch. A. Burney, op. cit., fig. 23.
70. Tahsin Özgüç. Aftintepe, II, fig. 51.
71. Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту, рис. 1.
72. Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, с. 180, рис. 42.
73. Ch. A. Burney, op. cit., fig. 20.
74. R. D. Barnett. The excavations of the British museum at Toprak-Kafe, near Van, Iraq, XII, I, 1950, pl. 1, 3.
75. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур (альбом), рис. 77; Boris V. Piotrovski. Urartu, fig. 109.
76. Tahsin Özgüç. Aftintepe II. Pl. XXII, XXIII.
77. Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer. Op. cit., fig. 130, 131, 134.
78. Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, с. 174, рис. 35.
79. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур (альбом), рис. 72.
80. Louis Vanden Berghe..., op. cit., fig. 183, 184.
81. Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту, с. 55, рис. 26; Ekrem Akurgaf. Ugartaische und Altiranische Kunstzentren. -Türk Tarih Kurumu Basimevi, VI, 9, Ankara, 1968, taf. XXIII, b.
82. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур I, с. 53, 70, рис. 44; Он же. Искусство Урарту, с. 60.
83. Louis Vanden Berghe... Op. cit., fig. 166, 167.
84. К. Л. Оганесян. Росписи Эрзбуни, Ереван, 1973, табл. 7-10, 14.
85. К. Л. Оганесян. Указ. соч., табл. 23, 45, 48.
86. Tahsin Özgüç. Aftintepe II. Fig. 18, 27.
87. Louis Vanden Berghe... Op. cit., fig. 112.
88. K. Tanabe, A. Hori, T. Hayashi, S. Miyashita, K. Ishida, Op. cit., pl. IX, X.
89. Op. cit., pl. 3.
90. Louis Vanden Berghe... Op. cit., pl. 169.
91. Op. cit., fig. 168.
92. Г. А. Мельнишвили. Урартские клинообразные надписи, М., 1960 ОУКН, № 18.
93. Г. А. Мельнишвили. УКН, № 93, 94, 95.
94. V. Sevin. Inuspaia, the Son of Menua. -"Anadolu Arastirmalari", vol. VII, Ista-
95. tanbul, 1981, pp. 7-11.
96. Г. А. Мельнишвили. УКН, № II.
97. Louis Vanden Berghe... Op. cit., fig. 163.
98. А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино, Ереван, 1954, с. 26, 87.
99. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур (альбом), рис. 75.
100. Louis Vanden Berghe... Op. cit., fig. 164.
101. Б. А. Кувшин. Указ. соч., с. 34; Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, с. 243; А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, Изв. ГАИИМК, вып. 120, М.-Л., с. 135; Е. И. Крутов. Железатинский клад, М., 1952; Б. В. Тезов. Центральная Кавказ в XVI-X вв. до н.э., М. 1977.
102. А. А. Мартиросян. Аршизавилли, рис. 18.
103. А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с. 291.
104. С. А. Есаян. Находки урартских изделий в Ошаканском могильнике, в сб. Древний Восток и мировая культура, М., 1981, с. 96.
105. St. Kroff. Op. cit., s. 144.
106. E. F. Schmidt. Persepolis I. Chicago, 1953, p. 82, 85, 115, 135, Pl. 29 A, B; R. D. Barnett. Persepolis - Iraq, XIX, I, 1957, p. 67.
107. Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту, с. 40, рис. 9.
108. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур III, с. 18, рис. 12.
109. Материалы не опубликованы.
110. А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с. 244, табл. XXIV, рис. 5.
111. Б. А. Кувшин. Указ. соч., с. 39, табл. V.
112. J. de Morgan. Mission Scientifique au Caucase, I, Paris, 1889, p. 98.
113. Б. А. Кувшин. Указ. соч., с. 39, 40.
114. А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с. 244.
115. У. И. Ходжаш. Երեւանի քաղաքի արտաքին շրջանի քարե - քարեկար զանգվածը, Երեւան, 1971, № 10.
116. С. И. Ходжаш, Н. С. Труханова, К. Л. Оганесян, Эрзбуни, с. 105, рис. 106.
117. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур (альбом), рис. 79.
118. Bakı Ögün, Op. cit., pl. CLXIV, fig. 50, 51.
119. У. И. Ходжаш. Հայաստանի պատմության հարցեր

120. С. А. Есаян. Скульптура древней Армении. Ереван, 1980, табл. 56; он же. Доспки древней Армении. Ереван, 1986, с. 54.
121. Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту. рис. 7.
122. Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту. с. 73.
123. Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, Л., 1949, с. 95.
124. R. Ghirshman. Iran. ProtoIranien, Meger, Achämeniden. München, 1964.
125. А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с. 136 - 140.
126. О. А. Tassuyrek. The urartian belts in the Adana Regional Museum. Ankara, 1975, fig. 15. Далее №№ посов из каталога этого музея будут указаны в тексте.
127. K. Tanabe, A. Hori, T. Hayashi, S. Miyashita, K. Ishida, Op. cit., No. 31. Далее № посов из этого музея будут указаны в тексте.
128. Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer. Op. cit. No. 97-100.
129. Op. cit., fig. 102.
130. С. А. Есаян. Об урартских посах найденных на территории Советской Армении. В кн.: Средняя Азия и зарубежная Восток в древности. - М., 1983, с. 34.
131. Ч. А. Варяня, указ. соч., с. 77, рис. 10.
132. В. В. Техов. Раскопки Тляйского могильника. В кн.: Археологические открытия, 1969, М., 1970, с. 394.
133. S. A. Esayan. Gürtelbleche der älteren Eisenzeit in Armenien Beiträge zur Afegemeinen und vergleichenden Archäologie, V. 6, München, 1985, abb. 59 a, 66.
134. Ursula Seidf. Urartaischer Gürtelk. Urartu. München, 1976 S. 61.
135. А. А. Мартиросян. Печати мастеров из сосудов на Арциштовилли. В кн.: Древняя Восток и мировая культура, М., 1981, с. 80, рис. 60.
136. Последнее Б. Брентнес относил к самым малочисленным, но они оказались наиболее распространенными. Так при раскопках Кармир-блур большинство найденных печатей представлены этим видом.
137. С. А. Ходжаши, Н. С. Трутанова, К. Л. Оганесян, с. 106, рис. 114-121.
138. А. А. Мартиросян. Арциштовилли, с. 149, 163.
139. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур II, с. 45-48.
140. Louis Vanden Berghe en Leon de Meyer. Op. cit., No. 226-230.
141. U. Seidf. Die Siegelbilder. In W. Kleiss. Bastam. I. Berlin, 1979, S. 139 D1, Pl. 38, No. 1-3.
142. T. Özgüc. Atintere II. S. 13, taf. IV.
143. Op. cit., Pl. V, XVI; B. Ögün. Op. cit., S. 644.
144. T. Özgüc. Atintere II. Taf. VIII, 2.
145. Ch. A. Burney. Op. cit., p. 107.
146. А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с. 242.
147. T. Özgüc. Atintere II. Taf. II, III.
148. R. W. Hamilton. The Decorated Bronze Strip from Gushchi. - Anatolian Studies, Vol. XV, 1965, p. 4.
149. B. Ögün. Op. cit., pl. 643, 645-646.
150. B. Ögün. Op. cit., pl. 3.
151. B. Ögün. Op. cit., pl. 4.
152. Op. cit., pl. 6.
153. Op. cit., pl. 8.
154. Op. cit., pl. 7.
155. Op. cit., pl. 646-663.
156. Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, с. 207-217.
157. Б. Б. Пиотровский. указ. соч., с. 28, 219.
158. V. Ögün. Op. cit., pl. 642-643.
159. Op. cit., pl. 643.
160. Op. cit., pl. 645.
161. Thomas V. Forbes. Urartian Architecture. - BAR International Series. 170. Oxford, 1983, fig. 58.
162. А. А. Мартиросян. Арциштовилли, с. 53.
163. В. А. Куфтин. Урартский "колумбарий" у подножия Арарата и Куро-аранский зоолит, с. 1-17.
164. А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с.
165. А. А. Мартиросян. Указ. соч., с. 242.
166. С. А. Есаян. Найдены урартских изделий в Ошаканском могильнике, с. 94-97.
167. B. Ögün. Op. cit., pl. 673-674.
168. T. Özgüc. Atintere II. Pl. XVII.
169. R.D.Barnett. The treasure of Ziwiye. Iraq, 1956, XVIII, p. 111-116.
170. С. А. Есаян. Найдены урартских изделий в Ошаканском могильнике, с. 95.
171. А. В. Варяня, А. В. Радзицкий. Царские печати урартские. - Закавказье, 1986, 3, № 221.
172. А. А. Мартиросян. Арциштовилли, с. 180, 181.
173. Раскопки Г. А. Тирашьян, материалы не опубликованы.
174. Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, с. 207.
175. В. А. Куфтин. Указ. соч., с. 224, 225.
176. Г. А. Мелюхишвили. УЗН, № 27, с. 9, 44, 45.
177. Г. А. Капанцян. Об урартском божестве. 1944. № 6, 7, с. 25-32. Аларута в Урарту воспринимается как божество мужского начала.
178. Г. А. Капанцян. Об урартском божестве Шебиту. "Вестник общественных наук АН Арм ССР", 1946, № 12, с. 10-18.
179. С. Г. Амазон. Культ солнца у земледельческо-скотоводческих общин Закавказья и урартское божество Шинви, тезисы "Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа" Ереван, 1983, с. 140 - 143.
180. УЗН, № 27, стр. 19, 64.
181. И. Я. Амарьян. Чаша Раварштовилли и другие находки. - Иркин, 1990, № 47-48.
182. Эти поселения размещались в основном на государственных землях и были обязаны служить в армию, платить налоги и т.д. (Г. А. Мелюхишвили. Наир-Урарту. Тбилиси, 1954, с. 28, 346).
183. Я. Я. Амарьян. Чаша Раварштовилли и другие находки. - Закавказье, 1986, № 1, № 43-58; И. Я. Амарьян. Чаша Раварштовилли и другие находки. - Иркин, 1990, № 84.
184. См. Г. Б. Дзаукян. Урартские замостования в армянском изюме. В кн.: Культурное наследие Востока, М., 1985, с. 364-371.
185. Г. А. Тирашян. Урарту и Армения (к вопросу о преемственности материальной культуры), II Международной симпозиум по армянскому искусству. - Ереван, 1978, с. 1-16.

**В СЕРИИ
«АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ АРМЕНИИ»
ВЫШЛИ В СВЕТ:**

Г. А. МИКАЕЛЯН
Циклонические кресты Севанского
бассейна — 1

А. А. МАРТИРОСЯН
Поселения и могилы
эпохи поздней бронзы — 2

**Б. Н. АРАКЕЛЯН
Г. А. ТИРАЦЯН
Ж. Д. ХАЧАТРИАН**
Стекла Древней Армении
(I—IV вв.) — 3

**Г. О. КАРАХАНИЯН
П. Г. САФЯН**
Наскальные изображения
Сюника — 4

А. А. КАЛАНТАРЯН
Материальная культура
Двина (IV—VIII вв.) — 5

**А. А. МАРТИРОСЯН
А. Р. ИСРАЕЛЯН**
Наскальные изображения
Гегамских гор — 6

Р. М. ДЖАНПОЛАДЯН
Средневековое стекло
Двина (IX—XIII вв.) — 7

А. А. МАРТИРОСЯН
Аргентиниды — 8

О. С. ХИЖИКЯН
Ремесла Армении в эпоху
бронзы — 9

Н. Г. АКОПЯН
Художественный металл
средневековой Армении IX—XIII вв.

А. С. ЖАМКОЧЯН
Фаянс средневековой Армении
IX—XIV вв. — 10

А. А. МАРТИРОСЯН
Наскальные изображения
Гегамских гор — 11

Р. М. ДЖАНПОЛАДЯН
Сфероконические сосуды
из Двина и Ани — 12

А. А. КАЛАНТАРЯН
Раннесредневековые буллы
Двина — 13

**Р. М. ДЖАНПОЛАДЯН
А. А. КАЛАНТАРЯН**
Торговые связи
средневековой Армении в VI—XIII вв.
(по данным стекловедения) — 14